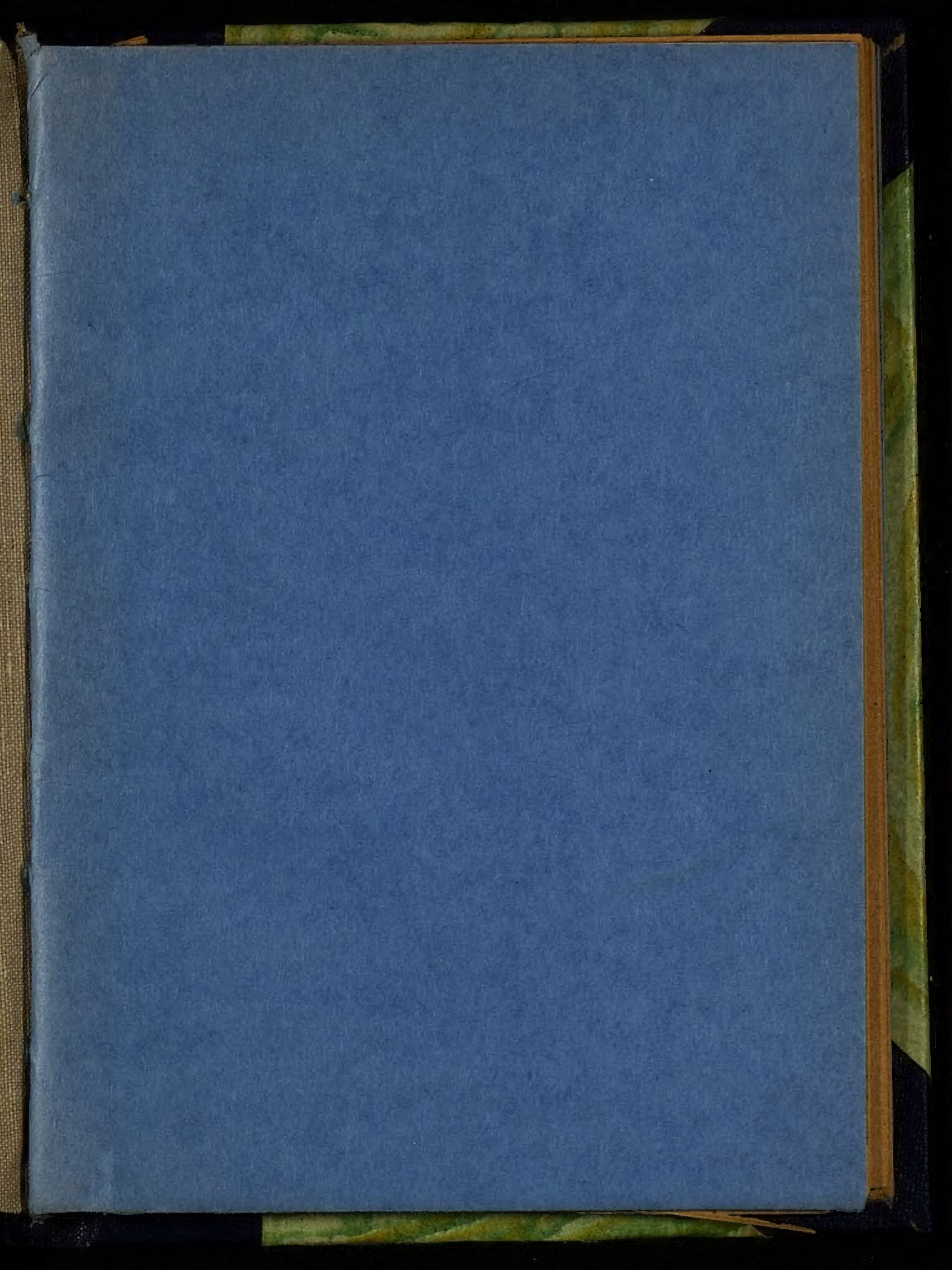
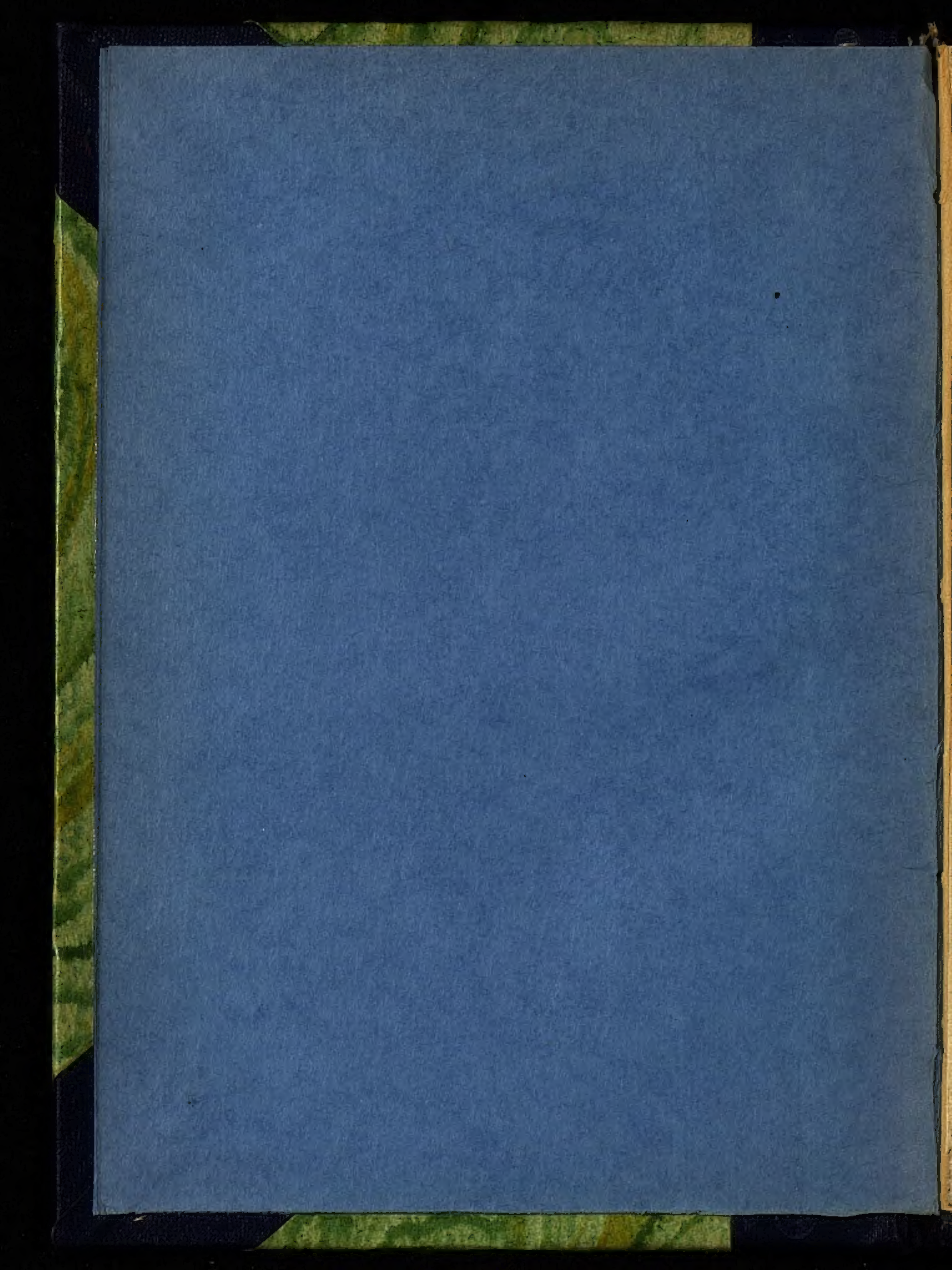
Бухарин Н.И.

Итоги XIV съезда ВКП(б)

Н. Новгород, 1926

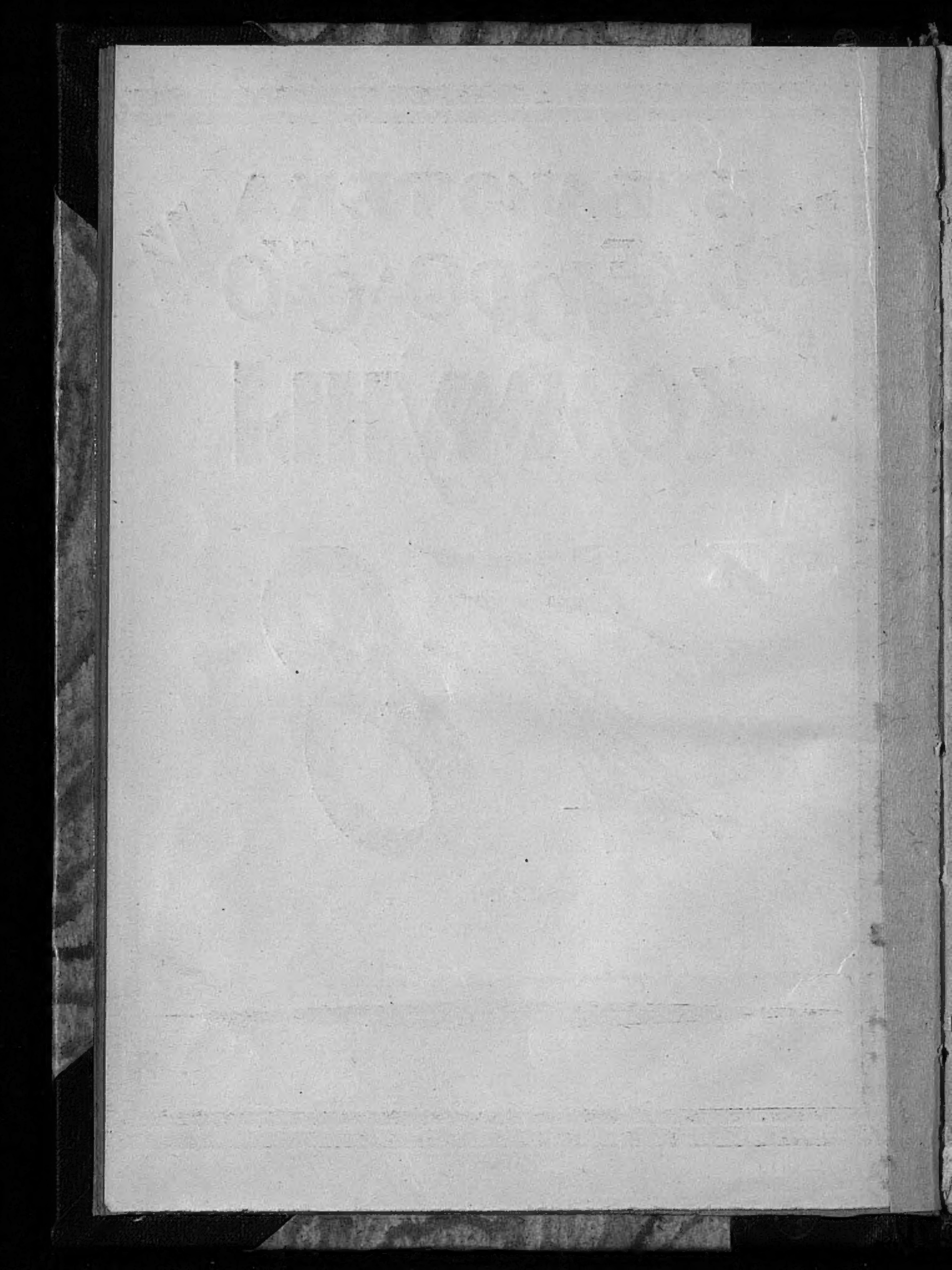

БИБЛИОТЕКА НИЖЕГОРОДСКОЙ КОММУНЫ

[28-29]

БИБЛИОТЕКА
НИЖЕГОРОДСКОЙ
КОММУНЫ

Н. БУХАРИН

ИТОГИ XIV С'ЕЗДА ВКП (Б)

ДОКЛАД НА СОБРАНИИ АКТИВНЫХ РАБОТНИКОВ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ 5 ЯНВАРЯ 1905 г.

7—8 (26—27)

1 · 9 · 2 · 6

ИЗД. ГАЗЕТЫ «НИЖЕГОРОДСКАЯ КОММУНА»

О т п е ч а т а н о
в типографии Нижполиграф,
Варварка, 32, в количестве
8000 экземпл., Нижегородск.
гублит № 92.

Итоги XIV С'езда ВКП (б)

(Доклад на собрании активных работников Московской организации 5 января 1926 г.)

— Товарищи, я просил бы разрешить мне остановиться на главных пунктах тех вопросов и тех проблем, по которым на нашем XIV партийном с'езде, а отчасти и до него обнаружились известные разногласия, что и привело к борьбе на партийном с'езде. Я поэтому ограничусь в своем докладе именно этими вопросами и прошу вашего разрешения пройти мимо других, самих по себе, может быть, и очень важных вопросов, в роде вопроса о нашем профессиональном движении и др., в виду того, что здесь разногласия были минимальные, и потому, что об этих разногласиях я, вероятно, упомяну попутно. Поэтому, повторяю, позвольте сосредоточить все ваше внимание на основных пунктах борьбы, которая шла на с'езде по отчету Центрального Комитета нашей партии.

Здесь наш партийный с'езд обсуждал *главнейшие и принципиальные вопросы нашей политики*. Мне кажется, совершенно не случайно, что эти вопросы всплыли именно в настоящий момент, когда мы имеем за собой год довольно

крупных хозяйственных успехов, когда целый ряд достижений уже значится за нами и когда, с другой стороны, налицо имеется рост экономических и социальных противоречий когда, следовательно, создается новая обстановка и когда новые слои рабочего класса, новые поколения,—и молодежь в первую очередь,—а отчасти также и известная часть старого рабочего кадра, как стоящего вне нашей партии, так и стоящего в рядах нашей партийной организации, ставит некоторые коренные основные вопросы. XIV партийный с'езд очутился в таком положении, когда и в рядах нашей партии эти проблемы стали во весь рост, когда потребовался ответ на целый ряд вопросов, которые, казалось бы, являются давным давно разрешенными.

В самом деле, ведь не первый раз становится перед нами такой вопрос, как вопрос о нэпе, как вопрос о строительстве социализма в нашей стране, как вопрос об отношении к крестьянству, вопрос о внутренней структуре нашей партии и т. д. Все эти вопросы в своем принципиальном обосновании, казалось бы, давным давно были решены нашей партией. И тем не менее, они всплыли и были поставлены в довольно острой форме только в последнее время, и по ним велась горячая борьба. Все это отнюдь не случайно.

Самое обычное, самое вульгарное обывательское мнение выражается в том, что обыватель,—будь это не только обыватель-мещанин, но даже и обыватель из рабочего класса,—говорит: «разодрались лидеры, поссорились верхушечные коммунисты, идет борьба за власть». Такая постановка вопроса сама по себе неправильна уже тем, что она слишком *проста*. Нельзя, конечно, отрицать, что известные группировки были внутри ЦК, что они вели борьбу за большинство в ЦК. Это совершенно верно. Ибо естественно, что если одна группа внутри нашей партии или внутри нашего

ЦК считает что она права, а другая группа считает, наоборот, что первая ошибается; если одна группировка считает свою политическую линию правильной, а другая группировка—свою, то возникает внутрипартийная борьба, потому что обладание большинством в руководящих органах нашей партии является одной из гарантий проведения той или другой политики. Всякий мало-мальски понимающий жизнь партии понимает также, что люди должны бороться за большинство, если хотят обеспечить проведение своей политики, которую считают правильной. Чтобы решить вопрос по существу, нужно, следовательно, обратиться к оценке того, правильна или неправильна *политическая линия,* то-есть поставить в порядок дня ряд *политических* вопросов, которые составляют *сущность разногласий.*

Итак, центром моего сегодняшнего доклада будут те политические разногласия, которые были обсуждаемы на нашем партийном с'езде.

I. Тактика оппозиции

Сначала я хотел бы сказать несколько слов по поводу самого возникновения и хода борьбы: как эта борьба возникла, как она велась, через какие этапы прошла и в каком состоянии находится в настоящее время. Вы отлично знаете, что в нашем ЦК наметились расхождения сравнительно задолго до с'езда, а именно—по вопросу об организационных мерах в борьбе с троцкистской оппозицией. Тогда большинство ЦК стояло за более умеренную политику, в частности за оставление тов. Троцкого в составе Политбюро. Большинство протестовало против «политики отсечения», считая необходимым наивозможное использование крупнейших товарищей, которые ошибались в целом ряде вопросов, но которые по другим линиям могут принести существеннейшую

пользу нашей партии; большинство считало неопасным оставление этих товарищей в руководящем штабе нашей партии, где имеется достаточное количество товарищей, которые всегда смогут парализовать те или иные уклоны.

По этому поводу были разногласия с целым рядом товарищей, и в том числе с т.т. Зиновьевым, Каменевым и Сокольниковым. Большинство ЦК было зачислено тогда в «полутроцкисты» по той причине, что мы не хотели предпринимать слишком крутых мер из соображений, которые я только-что изложил. Всякий из вас кто помнит тогдашнюю нашу партдискуссию, знает, что каждый из членов ЦК, принадлежащий к теперешнему большинству, внес свою посильную лепту в дело борьбы с политическими уклонами троцкизма, но в то же время каждый из них считал,—и, мне кажется, совершенно справедливо,—что одно дело преодоление уклонов, идейная борьба с ними, а другое дело,—вопрос об организационных выводах. Эти организационные выводы должны были быть сделаны (они в той или иной мере необходимы, и их всегда приходится делать), но весь вопрос заключается именно в той *мере*, в какой эти организационные выводы делаются.

Вот с чего начались наши разногласия. Тогда мы, попавшие в «полутроцкисты», подверглись атаке со стороны теперешней оппозиции, которая поставила себе цель, сводившуюся к завоеванию большинства. Одновременно начался целый ряд организационных планов: разрушение секретариата ЦК в том виде, в котором он существует, и т. д.,—целый ряд перестановок, личных передвижек и т. д.

Нельзя сказать, чтобы это была только «беспринципная борьба»,—ничего подобного. Товарищи были убеждены в том, что их политическая позиция правильна, они были убеждены, повидимому, в том, что мы слишком потакаем троцкистской

оппозиции, т.-е. ведем неправильную политику; и для того, чтобы обеспечить правильную, по их мнению, линию, они выступили против большинства ЦК. Эта атака *была отбита*, и несколько месяцев об оппозиции с этой стороны не было слухов. О том, что велась борьба против ЦК, о том, что стреляли в самую сердцевину ЦК,—об этом позабыли, так как атака была отбита. Товарищи увидели, что на стороне большинства ЦК перевес слишком велик, хотя одно время и были колебания, которые окрылили было их надежды. И товарищи отступили, некоторое время прямых наступлений на ЦК не производилось.

Но в то же время начали делаться обходные движения, которые сводились к следующему. Говорили: «Мы за ЦК, мы не против ЦК, мы идем горой на его поддержку». А в то же время пытались всеми мерами создать себе организационную фракционную базу. Это уже была борьба, которая велась не лобовой атакой а обходными путями. Она нашла себе выражение в целом ряде выступлений. Как в свое время и у т. Троцкого, который, когда он не получил большинства, апеллировал к молодежи, так и здесь товарищи стали апеллировать к молодежи, позабыв радикально свои недавние поучения тов. Троцкому. Ленинградская организация молодежи попыталась, например, созвать фактически общесоюзную конференцию молодежи. Она созвала свою, ленинградскую конференцию и разослала большое количество приглашений губкоммолам явиться на эту конференцию «в качестве гостей», а фактически для того, чтобы «выравнять» политическую и организационную линию и повести борьбу против партийного большинства.

Я прохожу мимо всех других шагов со стороны оппозиции, о которых нет времени здесь упоминать, и перейду прямо к ближайшему периоду—к районным конференциям

в Ленинграде, к губернской партийной конференции в Ленинграде, к нашему партс'езду. Здесь эта стратегия *обходного движения* была выдержана блестяще. На районных конференциях в Ленинграде, что говорилось? Говорилось, что «мы за ЦК», «мы за единство партии», «мы безусловно за дружную работу», мы стоим горой за поддержку теперешнего ЦК», но... «во всем виноват Богушевский». Такова была расплапировка сил на *районных* конференциях.

На *губернской* партконференции говорилось: «Мы за ЦК, мы за партийное единство, ЦК наш великолепен, мы за абсолютно дружную работу со всеми членами ЦК, но... во всем виноват Богушевский и немножко... Бухарин». Ленинградская конференция голосовала все же за доверие ЦК и ЦКК. Дальше, в начале нашего партс'езда, после того, как открылся наш партс'езд, оппозиция шла под лозунгом: «Мы за ЦК, мы за парт'единство,—боже сохрани, это будет клевета, если кто скажет, что мы против ЦК, но... во всем виноват Бухарин и его новая школа».

Вот тут уже вырисовалась фигура *содокладчика* ЦК.

Дальше, середина с'езда, выступление тов. *Каменева*, который заявляет, что ЦК вел «политику обмана»,—потом он извинился за это выражение,—что Секретариат ЦК должен быть в корне переделан. «Мы» фактически, значит, уже явно *против ЦК*. Это «против» было подтверждено голосованием против резолюции по отчету ЦК. А еще дальше— «Ленинградская Правда», которая в то время была фракционным органом новой оппозиции, заявила: «Мы» за с'езд, но мы и за делегацию, голосовавшую против с'езда: делегация *права*. Таким образом, начался обстрел уже принятых решений,—факт, неслыханный в истории нашей партии.

Вы видите, какой здесь стратегический маневр? Само собой разумеется, что если бы сразу ленинградским рабочим

было сказано, что «мы» против ЦК нашей партии, что «мы» против большинства руководящей группировки в нашем ЦК и т. д., тогда нельзя было бы собрать большое количество рабочих голосов, и тогда дело с ленинградской «монолитной делегацией» на партс'езде обстояло бы не так, как оно обстояло. Для того, чтобы *подкрепить себя значительным количеством голосов, и была придумана вся эта стратегия.* Когда была отбита новая атака на ЦК, тогда начались «отступление» и обходное движение. Вначале маленький Богушевский, статья которого, кстати сказать, была осуждена всеми единогласно, при чем за помещение ее Бухарин отвечал в той же мере, как и Каменев, один из редакторов «Большевика». На-ряду с этим—уловление голосов для атаки против ЦК. В конце—уже открытая атака решений с'езда. Вот каковы тактические приемы, которые были употреблены со стороны «новой оппозиции». Вряд ли вы нуждаетесь, как и всякий, кто читал газеты, в том, чтобы вам доказывать подробно, что все это так. Я ведь и излагаю только основные *факты*, не давая им еще никакой оценки.

Своего апогея, наиболее яркого выражения, эта тактика нашей оппозиции достигла тогда, когда стали обстреливаться уже принятые решения партс'езда. И понятно, что большинство партс'езда, т.-е. партийный с'езд, как высшая партийная инстанция, как выразитель воли всей партии, был поставлен перед задачей пустить в ход все возможное для того, чтобы это тяжелое внутрипартийное положение так или иначе изжить. Вы, вероятно, читали по газетным отчетам речи некоторых товарищей, приезжавших из Ленинграда для приветствий с'езда. Там известная часть стояла на стороне партс'езда, т.-е. на стороне большинства, на стороне всей партии в целом, а известная часть стояла на стороне оппозиционной группировки.

Я бы рекомендовал всем обратить внимание на те речи, которые говорились на партийном с'езде именно этими представителями оппозиции, приехавшими из Ленинграда. Они все время заявляли: «Мы—за партийный с'езд, ему шлем пламенный привет» и т. д. Но «наша делегация была права». Делегация как голосовала? Делегация голосовала *против* партийного с'езда, голосовала *против* резолюции большинства. Но эти представители в то же самое время приходят на партийный с'езд и говорят: «Да, с'езд совершенно прав, но и делегация права». Как это совместить одно с другим? Это Аллах ведает. Это нельзя совместить, и никакая диалектика не сможет об'яснить этого противоречия. Нельзя сразу утверждать два таких взаимно исключающих друг друга положения.

Ясное дело, что такая позиция не выдерживает никакой критики по своей беспринципности, а фактически она представляет собой *неподчинение решениям партийного с'езда*. Так что, само собой разумеется, что партийный кризис, который мы переживаем и который, надеюсь, мы скоро изживем, представляет собой тяжелое явление в жизни нашей партийной организации. Тяжелое явление, которое мы должны во что бы то ни стало и в возможно скором времени изжить.

II. Ленинизм в организационном вопросе и новая оппозиция

Я перехожу ко *второму* вопросу, к вопросу о том, как этакая борьба и этакие формы борьбы сейчас же отражаются на подрыве партийной организации и ее существа, на подрыве партийной организации и ее внутренней структуры, на подрыве всего того, чем привыкло гордиться наша организация,—всей ее дисциплины, всего ее единства. Здесь точно

так же чрезвычайно любопытно проследить, как изменялась в этом вопросе позиция теперешней оппозиции, новой оппозиции, которую сокращенно можно называть «НОП». Итак, как изменилась позиция НОП в этом деле?

Вы знаете отлично, что тов. Зиновьев во времена троцкистской дискуссии заявлял нам, что для того, чтобы сохранить пролетарскую диктатуру, для того, чтобы вести рабочий класс нашей страны по пути строительства социализма, необходима *стопроцентная* монолитность нашей партии. Как нас критиковали тогда, когда считали, что мы—«полутроцкисты»? Нам говорили: «Как же, послушайте, вы хотите в Политбюро оставить Троцкого, которого вы же вместе с нами обвиняли в уклоне? У нас семь человек в Политбюро, значит $^1/_7$ будет не чисто ленинского пошиба? Караул, мы от этого погибнем. Для руководства нужна стопроцентная монолитность, т.-е. абсолютное, стопроцентное единство руководства, для того, чтобы выдержать тяжести, которые лежат на плечах пролетарской диктатуры и на плечах нашей партии». На этом стопроцентном единстве, на этой стопроцентной монолитности ехали, ехали и ехали... до тех пор, пока сами не очутились в меньшинстве. Потому что, как только товарищи из НОП очутились в меньшинстве, в особенности на нашем партийном с'езде,—я пропускаю здесь целый ряд промежуточных звеньев,—то они сразу выставили лозунги, от которых все мы широко раскрыли глаза.

Какие лозунги были выставлены представителями новой оппозиции на нашем партийном с'езде? Тов. Зиновьев в своем слове заявил, что необходимо привлечь все живые оппозиционные силы. Мы до сих пор считали, что нам с величайшими трудностями за последние годы удалось преодолеть целый ряд оппозиционных уклонов: рабочая оппозиция,

демократический централизм, отчасти выходившие за рамки нашей партии такие группировки, как «Рабочая Правда» и целый ряд других. Ведь мы же с ними всё время боролись! Дело жизни Ленина в последние годы состояло не в малой степени и в том, что он помогал партии преодолеть уклоны от правильной марксистской ленинской линии. Многие из нас принимали участие в изживании этих уклонов. Нам удалось преодолеть эти уклоны. С точки зрения правильной ленинской линии сам же тов. Зиновьев говорил,—и мы все говорили и трубили, во-всю трубили во время дискуссии с Троцким,—что никак нельзя отступать от *ленинизма в организационном вопросе*, что наша партия в организационном вопросе всегда отличалась,—и это есть одна из составных частей ленинского учения,—отличалась от всех других партий тем, что она была построена на основе действительного *единства воли* внутри партийной организации. В то время, как целый ряд других партий,—меньшевистская, эсеровская, уже не говоря о ряде буржуазных партий—представляли собой различные соединения фракций, группировок, группировочек, оттенков мнений, коалиций между различными частями партии, представляли собой такие киселеобразные партии, в которых левая нога не знала, как дрыгает правая, а левая рука не знала, что делает правая,—в это время мы всегда были против такой структуры партии. Мы доказывали неоднократно, что наши победы в значительной мере достигались благодаря тому, что наша партия по своей организационной сущности была действительно стальной. Мы допускали дискуссии, обсуждения и проч., но, когда бывало принято решение, мы дружно, стальной фалангой шли в бой, чтобы *выполнять* эти решения. Не один товарищ из партийных «верхов», из «серединки», из «низов» отлично знает такие случаи, когда

ему приходилось после партийных с'ездов итти выполнять решения партии, несмотря на то, что лично он голосовал против того или другого решения. Наша железная дисциплина и наша монолитность и единство воли были всегда так характерны, и надеюсь, и впредь будут характерны для нашей партии. Это признавалось всеми одной из аксиом, одной из истин, не требующих доказательств, в нашей большевистской среде.

Когда тов. Троцкий или его сторонники в прошлой и позапрошлой дискуссии с нами выставляли или повторяли старинный лозунг троцкистов: «живи и жить давай другим», т.-е. будь в большинстве и *допускай* различного рода группировки, различного рода фракции, различного рода оттенки, то мы против этого всемерно боролись. Мы знали, что в условиях пролетарской диктатуры мы должны допускать свободу мнений, но, приняв решения, мы должны *выполнять* их беспрекословно. Мы считали величайшим завоеванием партии, что в течение ряда лет борьбы с величайшим трудом мы изжили внутри нашей партии целый ряд различных этих группировочек, фракций, группок, течений, уклонов и т. д. Мы считали это величайшим достижением в жизни нашей партии. И вот, после того, как в борьбе, предшествовавшей XIII с'езду, мы все это закрепили, заколотили все гвозди здесь, твердым и властным голосом сказали все это от имени XIII партийного с'езда, подтвердили и подчеркнули это десятки раз, после этого один из непосредственных авторов всех этих резолюций и проч., сам очутившись в меньшинстве, выставляет лозунг «гарантий» свободы мнений, гарантий «прав меньшинства», привлечения всех оппозиционных сил и т. д.

Мы считаем это ни с чем несообразным. С точки зрения потому что всякий побежденный ищет себе союзника. Если,

например, скажем, данная группировка потерпела поражение, положения новой оппозиции это было, конечно, правильно, она ищет повсюду возможности взять в свое хозяйство любую веревочку, чтобы себя подкрепить. Это понятно. Но несмотря на то, что это понятно, это все же противоречит в корне ленинскому учению о партии, *абсолютно* противоречит.

Вы видите, товарищи, какой колоссальный поворот, поворот на все 180°, был проделан оппозицией. Если на XIII с'езде, не будучи в оппозиции, соответствующие товарищи выставляли лозунг стопроцентной монолитности, стопроцентного единства, особенно подчеркивали это и переходили здесь иногда даже границы здравого смысла, то, очутившись в меньшинстве, они стали поступать совершенно наоборот, ставя себя превыше всей партии в целом. И, ясное дело, это никак не может быть засчитано в положительном балансе их «принципиальности». Потерпеть этого партия никак не может. Мы бы превратили этим нашу партию из железной когорты пролетарской революции в манную кашу.

Я, товарищи, должен еще остановиться на двух вещах, связанных с этим вопросом. Одним из самых печальных выступлений на нашем партийном с'езде было выступление тов. Надежды Константиновны Крупской, которую мы все очень любим, уважаем и ценим. Но она говорила, к сожалению, вещи политически недопустимые с нашей точки зрения. В одной из своих речей она сказала: что же, большинство с'езда может тоже ошибаться. Во время стокгольмского с'езда в 1906 году было точно такое же положение вещей, что большинство с'езда, которое состояло из меньшевиков, ошибалось, а меньшинство с'езда, которое состояло из большевиков,—мы были тогда, как известно, в одной партии,—было право.

Тогда ей был задан вопрос: «Как, значит вы считаете, что и XIV партийный с'езд представляет собой нечто в роде стокгольмского с'езда?». Она выступила вторично с «раз'яснением», которое, по существу дела, не только ничего не раз'ясняет, а еще более запутывает положение. Она сказала примерно: я должна заявить, что вы судите о меньшевиках так, какими они были в 1917 году. Тогда они были невероятной дрянью, но вспомните, что в 1906 году они были получше. К этому сводился смысл ее раз'яснения.

Примем это об'яснение. Но разве оно улучшает дело? Ни капельки не улучшает. По очень простой причине. Значит, меньшинство считает наш XIV партс'езд все же чем-то похожим на стокгольмский, и к большинству подходит с такой меркой, с какой большевики *в 1906 г.* подходили к меньшевикам? Но позвольте! Когда мы спорили в 1906 г. с меньшевиками, то у нас были коренные разногласия. Коренные разногласия были в оценке движущих сил революции, коренные разногласия в вопросе о вооруженном восстании, в отношениях к либералам,—и очень скоро *мы пошли на раскол.* Всякий это знает. Не прошло и нескольких лет, как мы раскололись. Этот раскол *имелся* в зародыше в 1906 г.? Конечно, *имелся.* Мы чувствовали его. Как мы *действовали* против меньшевиков в 1906 г.? Мы делали после этого с'езда выступления с отдельными докладами, создавали свои фракционные центры, распространяли свою особую литературу, мы всюду имели на-ряду с общей организацией свою самостоятельную организацию, мы имели по всем правилам военного искусства организационную *фракцию,* мы вели ожесточенную *борьбу* и, наконец, выделились в самостоятельную партию.

Как же можно было теперь вызывать тень стокгольмского с'езда? Никак нельзя. *Опасная игра!* В высшей степени

опасная игра! Сейчас, мол, разногласия, сейчас с'езд может, мол, тоже ошибаться: и меньшевики ошибались в 1906 г., а меньшинство было право.

намеки?

Можно говорить, что Надежда Константиновна тут

Можно говорить, что Надежда Константиновна тут ошиблась, сказала не то, что хотела, что она не совсем хорошо подумала, прежде чем сказать,—можно целый ряд вещей сказать по этому поводу. Но ведь страна-то все это слышит, все это читают, рабочие читают и наши противники это читают. За границей и в Советском Союзе, среди рабочего класса, среди крестьянства, среди учащихся,—всюду и везде брошено крылатое словечко о стокгольмском с'езде. И это не может не посеять замешательства. Среди рабочих начнутся разговоры о том, кто прав—большинство или меньшинство? Всякий, кто захочет разобраться в происшедшем, будет иметь это раздирающее душу семя сомнения: а может быть, через 1—2 года партии расколется совершенно? Если на XIV с'езде было сделано упоминание о стокгольмском с'езде, то не тем ли об'ясняется то обстоятельство, что часть с'езда требует особого докладчика, предлагает особую дорогу, принимает линию против большинства партийного с'езда, т.-е. против всей партии в целом? Такие вопросы всякий в праве поставить.

Это выступление, от которого никто из оппозиции не отмежевался, бросило чрезвычайно мрачную тень на все последующие выступления оппозиции, а отчасти и на те факты, которые находят себе место и сейчас.

Я должен еще остановиться на втором месте из речи Надежды Константиновны, потому что она гораздо откровеннее говорила, чем более искушенные политики из оппозиции. Она развила такого рода мысль: марксизм учит, что

истина заключается в соответствии с *об'ективной действительностью*. Большинство может ошибаться. Правда—это не то, что решает большинство с'езда, а то, что соответствует действительности.

Это, конечно, верно. Само собой разумеется, что и вся партия в целом может ошибаться, и весь с'езд, и отдельные вожди партии могут ошибаться. И даже Ленин ошибался, так же как неоднократно ошибался и Маркс. Но к чему такие разговоры? Разве это не было известно до сих пор? Конечно, известно.

В чем же смысл таких разговоров? В чем смысл их, когда не в философском клубе, а на политическом с'езде рассуждают, что правда заключается не в том, за что голоснет большинство, а в соответствии с действительностью? Нетрудно сообразить, в чем здесь дело. Если мы выбросим решение большинства, а будем говорить, что истина заключается в соответствии с действительностью,—что *само по себе* правильно,—то сейчас же возникает вопрос: *кто же решает*, что *соответствует* и что *не соответствует* действительности? Вот Каменев считал, что 61 проц. хлебных излишков находится в руках кулаков, а другие считали, что этого нет. Что-то из этого соответствует действительности; а может быть, ни то, ни другое, а что-то третье правильно. Это, вообще говоря, совершенно возможно.

Но если мы на этом успокоимся, то для чего тогда нужна партия и ее решения? Если и после решений с'езда все будут «философски» рассуждать: «А чорт знает, ведь вовсе не большинство держит в кармане истину, а она находится в соответствии с действительностью». Сидор думает одно, Павел—другое, Анисим Захарович—третье, а *партия где?* Тогда никакие *решения невозможны.*

Смысл партии в том и заключается, что исходя из того, что нет ни одного пророка на земле, который на 100 проц. может определить, что именно соответствует действительности,—каждый, чтобы сообща и дружно действовать, должен выполнять решение большинства, т.-е. решения партии. Ты считаешь, что они неправильны? Выжидай, борись перед следующим партс'ездом, когда ЦК откроет дискуссию, за свое мнение, и потом, может быть, ты получишь большинство. А если ты не будешь ему подчиняться, ты этим *ломаешь всю партийную организацию.* Нельзя представлять себе партию таким образом, что она состоит из миллиона человек, из которых каждый читает, рассуждает, философствует о том, что соответствует действительности, при чем один это понимает по одному, другой по другому, третий по третьему, но, большинство ничего не решает на том основании, что может ошибаться.

А партия? На кой чорт тогда она нужна? Тогда *нет партии,* тогда партия вылетела в трубу, тогда есть отдельные «философствующие суб'екты». Но тогда нет партии, нет организации.

Если такие рассуждения сопоставить с заявлениями относительно стокгольмского с'езда, то мы должны прямо закричать «караул», ибо мы находимся в такой партийной организации, которая отличалась строгим централизмом, строгой дисциплиной, строгим подчинением партийным решениям, ярко выраженным *партийным* началам,—теперь же нас хотят превратить, через коалиции, фракции, группы и т. п., в общество дискуссирующих философов, которые рассуждают подобно Понтию Пилату: что есть истина, тыча себе пальцем в нос или рассматривая, подобно буддийским святым,—свой собственный пупок. (Смех).

Ясно, что мы никогда из партийной организации такого учреждения делать не должны. Поэтому совершенно естественно, что мы должны были отметить перед товарищами из этой новой оппозиции, что у нее есть отход от одного из самых существеннейших элементов ленинского учения—от ленинского учения о *партии* и *ее структуре*. Мы ведь, товарищи, отлично знаем, что наши расхождения с меньшевиками начались когда-то из-за организационного вопроса. Одна из наших основных добродетелей заключается в стальной структуре нашей партии. Одним из крупнейших завоеваний Коммунистического Интернационала является то, что наша партия в известной мере приучила уже и иностранных рабочих к тому, что им нужно иметь не киселеобразную партию, не манную кашу, не сборище безвольных дискутирующих философов, а нужно иметь активную, сплоченную одной волей, единую партию, железную партию, которая способна преодолевать огромные сопротивления, которая готова к чему угодно: к гражданской войне, к большим сражениям, к проведению сложнейших политических маневров, к тому, чтобы об'егоривать врага: где прямым нажимом, где хитростью, где засадой. К этому мы привыкли. Это есть дух нашей партии.

И вот, в выступлениях товарищей против большинства ЦК это огромнейшее завоевание, одно из основных завоеваний ленинского учения, исчезло, испарилось, пропало. Оно сперва было всемерно разжижено требованием свободы мнений, потом оно было еще более разжижено требованием привлечния всех живых сил из оппозиции; потом оно превратилось в пар в разговорах о стокгольмском с'езде, и оно почти совершенно исчезло, уничтожилось, когда стали разговаривать об об'ективной истине.

Так рядом различнейших рассуждений, которые диктовались ходом борьбы, от требования стопроцентной монолитности со стороны т.т. Зиновьева, Каменева и других, как они формулировали это к XIII с'езду, указанные т.т. проделали громадную эволюцию и пришли к тому, что мы уже слышали теперь с их стороны *такие* речи, которые уничтожают всякий смысл нашей партийной организации. Таким образом, вы видите, что такого рода методы и приемы борьбы против большинства ЦК привели к пересмотру,—а на иностранном языке это называется ревизия,—к ревизии ленинизма в одном из основных вопросов—в *организационном вопросе.*

Теперь принято говорить очень громкие слова, но всякое громкое слово, будучи повторено много раз, стирается, как модный пятачок. Само собой разумеется, что и эта организационная неразбериха, эта ревизия ленинского учения в организационном вопросе не получила еще законченной формулировки. Когда стали кричать со стороны большинства: «как же, свобода фракций, а куда же ваши прежние взгляды исчезли?»—тогда этот лозунг оппозицией был взят и спрятан в карман.

В заявлении, которое было прочитано тов. Каменевым, этого уже *не* было, потому что это слишком бьет в нос, это слишком плохо пахнет, хуже, чем те воображаемые тухлые яйца, о которых говорил тов. Зиновьев и которыми, якобы, забрасывают ленинградскую организацию. Это настолько било в нос, что этот лозунг был предусмотрительно спрятан в карман, одним словом, совершенно исчез. Мы это напоминаем здесь для того, чтобы показать, до каких геркулесовых столпов могут доходить товарищи, если они пошли по неверной дорожке.

Само собой разумеется, что раз такая тенденция обнаружилась, ее нужно было взять в штыки. И большинство пар-

тийного с'езда взяло ее в штыки, дало отпор этой тенденции, дало отпор такого рода рассуждениям, и было абсолютно право. С'езд здесь, действительно, на 100 проц. защищал ленинизм против уклонов от него, потому что, повторяю, всякий мало-мальски грамотный сторонник ленинского учения, мало-мальски грамотный большевик совершенно ясно, точно и определенно знает, что в области организационного вопроса ленинскому учению органически противны и чужды такие рассуждения, как свобода всяких фракций, группировок, как разговоры о Стокгольмах и проч., и проч.

III. Общая характеристика новой оппозиции

Я перехожу к третьему разделу своего доклада, к самому существенному вопросу—о действительных идейных разногласиях в вопросах нашей большой политики. Эти именно вопросы большой политики явились главным содержанием прений на нашем партийном с'езде, и с точки зрения этих вопросов, в конце-концов, наметились те деления, которые проявились в области организационных вопросов, о которых я только что говорил. Прежде всего, я постараюсь в нескольких словах обрисовать общую идейную физиономию новой оппозиции, как можно короче описать основные политические линии, которые характерны для этой оппозиции.

Мне кажется, что, примерно, след. цепь рассуждений может коротко охарактеризовать действительную физиономию оппозиции: международная революция затянулась, сейчас стабилизация капитализма; раз она затянулась, то справимся ли мы со своими собственными задачами, не погибнем ли мы? Пожалуй, не справимся, потому что наша страна отстала и технически и экономически. Если бы международная революция вспыхнула и пошла громадными шагами, мы бы выдержали.

Этой помощи нет, не погибнем ли мы? В 1921 году, благодаря тому, что международная революция затянулась, мы ввели новую экономическую политику. Это было отступление. Мы сейчас с рельс новой экономической политики не сходим, продолжаем отступать. Хорошо ли это? Что впереди нам грозит? Геспромышленность наша, как говорят, есть кусок социализма. Пожалуй, и это не так скорее она госкапиталистическая. Заработная плата низка, отношения в промышленности таковы, что рабочие еще получают совершенно нищенское жалование. Хозяйственники живут в тысячу раз лучше. Вся промышленность связана путем рынка с крестьянским хозяйством. Какой же тут социализм? Таковы главные сомнения. А за последнее время к этому прибавились еще и другие. Например, на партс'езде выяснилось, что на той же почве растут и такие мысли: госпромышленность наша вряд ли социалистическая; но не только она, даже наша армия подгуляла: оппозиционеры в Ленинграде не пропускают военных коммунистов, третируют их, как «золотопогонников». Тов. Сокольников на партс'езде говорил, что наши банки—капиталистические учреждения. А в то же время кулак, мол, архибыстро растет, 61 процент всех товарных излишков забрал себе. Госаппарат, как пишет тов. Залуцкий, есть фокус борьбы разных классов, а не организация пролетарской диктатуры, хотя и с извращениями. Тут т. Залуцкий показывает фокус с государственным аппаратом, но это уже другой вопрос.

Что же отсюда получается? Международная революция затянулась: нэп—это только отступление, мы погибнем из-за технической отсталости. Что такое госпромышленность—не поймешь: ни мышенок, ни лягушка. Наша армия начинает итти тоже по ложному пути. Наши банки, это—капиталистические учреждения. Кулак наступает. Государ-

ство—это не пролетарская организация, а фокус борьбы разных классов. Какой же баланс получается? Сил враждебных—сколько угодно против нас, тяготы на наших плечах огромные, и мы одни с ними не справимся. А международная революция все не идет, остается нам, грешным, только перерождаться, и мы, пожалуй, и перерождаемся.

Вот, мне кажется, та идейная физиономия, те тона, в которые окрашены выступления оппозиционных товарищей. Это, безусловно, психология пессимистическая, психология известного разочарования, психология известного неверия в то, что мы, действительно, преодолеем все трудности, стоящие перед нами. Психология эта вовсе не свалилась с потолка, она вовсе не продукт одних теоретических размышлений пары товарищей, это—неверно. Она имеет свой базис, она выражает определенное разложение известной части массы, и в этом отчасти ее сила и в этом же ее опасность, потому что эти товарищи не идут вперед, а плетутся в хвосте движения и сеют панику там, где нужно спокойствие, где нужна уверенность, о которых не вредно иногда вспомнить.

Вся эта музыка не сформировалась еще в теорию, со всех сторон закругленную. Оппозиция была бедна какими-либо конкретными предложениями, она ходила «голенькой» со всех сторон, и когда мы ей говорили: «Ну, ладно, вы говорите, что мы недооценили кулака, а что вы конкретно предлагаете? Вы говорите, что мы мало помогали бедноте, а конкретно что вы предлагаете? Вы говорите, что мы не видим опасностей нэпа,—что вы предлагаете, чтобы преодолеть все эти опасности?». Когда мы им *так* говорили, все это отскакивало, как горох от стенки, и *никаких конкретных предложений* по этим вопросам оппозиция *не сделала*. Тут нет, следовательно, еще продуманного целого, есть лишь

известное настроение, которое только частично уже сформулировано, но которое не сделало еще всех выводов, и которое поэтому представляет внутри нашей партии известный намечающийся уклон,—уклон, с которым, несомненно, нужно решительно бороться, пока он еще значительно не вырос.

IV. Строительство социализма в одной стране

После того, как я сказал об *общей физиономии* оппозиции, позвольте разобрать по косточкам *главные вопросы наших разногласий*. Вы знаете, что один из главнейших вопросов,—это вопрос *о строительстве социализма в одной стране*.

Я сегодня был на заводе Динамо, я нарочно поехал туда перед собранием, попросил, чтобы вызвали ко мне 20—30—40 низовиков рабочих, партийных и беспартийных, чтобы их пощупать,—что они думают по поводу нашей дискуссии. Конечно, эта разведка очень незначительная. Но разговор оказался очень полезным. Я должен сказать, что имеется целый ряд вопросов, затронутых в нашей дискуссии, которые находят в рабочих кругах чрезвычайно живой отклик, в том числе и вопрос о строительстве социализма в одной стране, при чем здесь лишь в более резкой, в более грубой, в более схематической форме ставятся те же вопросы и даются те же ответы на них, что и на «верху». Один товарищ говорит: где же нам справиться в такой нищей стране, как наша? а другой отвечает: если мы заранее знаем, что не сможем справиться с этой задачей, то на кой чорт нужно было делать Октябрьскую революцию? Если мы восемь лет справлялись, почему не справимся на девятом, на десятом, на сороковом? и т. д. По-моему, это совершенно правильная постановка вопроса: или так, или этак.

Отсюда видно, что вопрос этот, безусловно, уже ухватил за сердце не только рядовика-партийца, но отчасти и беспартийного рабочего. Да иначе и быть не может, так как мы втянули в строительную работу огромную массу, и было бы аристократическим презрением к рабочему классу полагать, что широкие слои рабочего класса не интересуются вопросом о том, куда мы идем и куда придем. Мы были бы слишком низкого мнения о широких слоях рабочего класса, если бы полагали, что эти орехи доступны только нашим зубам. Извините, в другой форме, может быть, но с такой комической закругленностью, может быть, не в такой хорошей формулировке, но все эти вопросы, безусловно, мучают широкие рабочие массы. Поэтому, когда сколько-нибудь думающий рабочий наталкивается на различные отрицательные стороны нашего теперешнего строя, когда он видит роскошные магазины и рядом беспризорных детей на девятом году революции, он невольно думает: куда мы идем? Разве рабочий не задает такого вопроса? Конечно, задает. И он прав, что задает такой вопрос. Он был бы безмозглым тупицей, если бы он не ставил такого вопроса. Наших рабочих-низовиков, отчасти старых рабочих, *еще более новых*, только недавно пришедших из деревни на фабрики, эти вопросы мучают, все эти вопросы они ставят перед собой, а более сознательные слои рабочих из партийных верхушек ставят эти вопросы перед собой отчасти под их давлением. Да иначе и быть не может, потому что наша партийная верхушка и наша партия в целом отражают все то, что находится за пределами партии, потому что мы являемся до известной степени выразителями всех этих настроений. Этот вопрос о строительстве социализма в одной стране есть тот же вопрос, который выдвигается любым рабочим, который только формулирует его иначе: «какой чорт социализм, когда у нас тьма беспризорных и ря-

дом роскошные магазины?». Это тот же самый вопрос, только в грубой форме, тот же самый вопрос, который мы в более отточенной, в более правильно сформулированной форме ставим, как вопрос о *возможности строительства социализма в одной стране.*

Вот я и хотел бы, в первую очередь, остановиться на этом вопросе. Когда этот вопрос, вопрос о возможности строительства социализма в одной стране, ставит и на этот вопрос *утвердительно* отвечает большинство с'езда, или, вернее, весь партийный с'езд, в том числе и аз грешный, тогда сейчас же начинается атака: «А, вот как,—вы хотите в одной стране строить социализм? А, может быть, вы хотите строить социализм в одном уезде или в одной губернии? Может быть, в одной Чухломе желаете построить? А если так, то как это согласуется с вашей интернациональной программой? Не есть ли это узколобо-болванская точка зрения национально-ограниченных остолопов? Не представляет ли это полный отказ от международной связанности, от интернационализма, от марксизма, от ленинизма? Разве мы не говорили триста раз, что без международной революции нас сожрет международный капитализм, что главная наша ставка есть ставка на международную революцию? А раз вы строите социализм в одной стране, раз вы считаете, что это возможно, то зачем вам нужна международная революция? Не хотите ли вы, под тем предлогом, что вы можете строить социализм в одной стране, в одной Чухломе или Богородске, понемножку выпирать из этой одной страны Коминтерн?». (Смех). Вот как ставят вопрос, вот что говорят и что пускают в ход—что, ну, мол, конечно, именно здесь и есть узколобый национализм. Международная точка зрения отрицается, интернационализм отрицается. Люди, мол, думают: обой-

демся и без международного пролетариата. Вот вам оппортунизм, вот вам кулацкий уклон, металл, жупел и прочее!

С такими «аргументами» нужно считаться, они могут тоже жить в целом ряде голов. Эти головы могут думать, что большинство партии явным образом перерождается и идет по пути не только отказа от завоеваний Октябрьской революции, но и по пути отказа от своих международных обязанностей. Вот так приблизительно и завязывается узелок той сети аргументов, которая выставляется против нас. Я должен сказать, что я здесь в связной форме передаю то, что оппозиция говорит в бессвязной форме, но я думаю, что мне разрешено будет эту работу подружески за нее проделать,— это соответствует братской солидарности. *(Смех).*

Так вот, товарищи, к этой аргументации нужно, как следует присмотреться, и со своей стороны на нее ответить и обосновать ту точку зрения, какую мы считаем правильной. Вся путаница в этом вопросе происходит оттого, что вопрос *считают проще, чем это есть на самом деле.* Если бы нас спросили, может ли без конца длиться такое состояние, когда международной революции нет, а мы как страна пролетдиктатуры и социализма без конца существуем; может ли длиться без конца такое состояние, что никакой международной революции нет, а мы себе спокойно продвигаемся вперед, как на рельсах, строим и строим, и никто нас не трогает,— если бы нас спросили об этом, то что мы должны были бы ответить? На этот вопрос нужно было бы ответить *отрицательно,* потому что совершенно ясно, что мы занимаем $^1/_6$ часть света, и мы еще слабенькие, а $^5/_6$ занимают наши противники, и при том сильные противники, такая гигантская сила, как, напр., Соединенные Штаты, или такая огромная сила, как Британская империя, с их колоссальной военной техникой, с колоссальной мощью. Будут ли они

пытаться нас когда-нибудь задушить, или же до скончания века будут спокойно на нас смотреть и благословлять наше существование? Ясно, что когда-нибудь между нами конфликт неизбежен. Можем ли мы с полной уверенностью сказать, что мы удержимся в этой борьбе, если и не будет помощи со стороны международной революции, если рабочий класс на Западе будет сидеть смирно? Конечно, нет.

Мы просуществовали и до сих пор в значительной степени потому, что хотя международная революция не победила и государственной власти рабочий класс не завоевал, но все-таки рабочий класс всех стран держал свою буржуазию за фалды, и не пускал ее развязывать операции против нас; а с другой стороны, колониальные и зависимые страны, вроде Марокко, Сирии, Индии, Китая, доставляли капиталистическому обществу колоссальные неприятности. Если бы все это скинуть со счетов, то, может быть, мы бы, по примеру наших венгерских товарищей, скапустились, может быть, мы бы уже не существовали и не выдержали бы осады 1918—20—21 г.г., если бы не было на нашей стороне сил международной революции, которая была и отчасти есть, которая не победила до конца, но в то же время была огромнейшим политическим фактором. Это не подлежит никакому сомнению. Также не подлежит никакому сомнению, что если международная революция не будет развиваться, а, наоборот, будет все время глохнуть, то, конечно, никакой гарантии, никакой уверенности в том, что мы не будем с'едены капиталистами, что мы не будем поражены, что мы не будем терпеть колоссального ущерба, и даже, что мы не будем задавлены,— такой гарантии у нас нет, потому что перевес сил на стороне капиталистов еще очень велик. Отсюда вытекает наш курс, курс *на международную революцию*, и с точки зрения проле-

тарского движения в международном масштабе, и с точки зрения развития *нашего движения и нашей партии,*—потому что это не есть две какие-то разные вещи.

Наши интересы совпадают с интересами международной революции, и интересы пролетарского движения в Англии, во Франции или Германии совпадают с интересами усиления, укрепления и развития нашего Союза. Идет ли об *этом* спор? *Никакого спора об этом не идет.* Нет никакого спора о том, что единственной гарантией от реставрации, от нападения капиталистов, от того, что они нас не задушат вооруженной рукой, что единственной гарантией от этого может быть *только развитие международного пролетарского движения.* Я должен сказать, что здесь есть и обратная зависимость,—что в значительной мере гарантией от страшной реакции на Западе является существование нашего Союза, потому что, если бы в один непрекрасный день мы перестали существовать, то нажим на рабочий класс во всех решительно странах был бы бесконечно больше, чем сейчас. Мы связаны самыми братскими, кровными узами борьбы с рабочим классом всех стран, с колониальными народами.

Но не по этой линии идет спор. По этой линии нет никаких разногласий и никаких споров, а есть спор по *другой* линии.

Т.т. Каменев и Зиновьев утверждали, что мы не выдержим *из-за нашей технической и экономической отсталости.* Об этом мы напоминали оппозиции на партийном с'езде. И характерными являются здесь два факта: во-первых, товарищи отнюдь *не оспаривали,* что они говорили это; во-вторых, они сочли нужным вовсе не касаться этого вопроса, справедливо полагая, что здесь у них самое слабое место, самое слабое «звено» всего их оппозиционного «построения». Итак, мы *этот* пункт оспаривали, но это, ведь, вопрос совер-

шенно *другой*, абсолютно другой, который к первому вопросу (о возможности нападения со стороны капиталистических держав) имеет только косвенное отношение. Мы все признаем и все можем и должны признавать, что единственной *гарантией от нападений и столкновений с международным империализмом и возможного нашего поражения является международная революция.* Это не подлежит никакому оспариванию.

Но так ли обстоит дело, если мы поставим перед собою другой вопрос, вопрос о якобы необходимой нашей гибели из-за *технической отсталости?* Этот вопрос более или менее новый, постольку, поскольку он ставится сейчас в рядах *нашей* партии в очень ясной формулировке. А по сути дела он совершенно не новый. Все наши противники из так называемого социалистического лагеря ставили его. Ибо, какой у них главный «аргумент» против нас, или какой аргумент они считают главным? Они говорят: «Ведь это не марксизм—строить социализм в стране, в которой колоссальное количество населения состоит из крестьянства, а крестьянство есть мелкая буржуазия; это глупость—думать, что можно строить социалистическое общество в стране, где рабочий класс представляет собой маленькую горсточку населения. Несколько миллионов рабочих на 150 миллионов остального населения представляют маленький островочек в бушующем море мелкобуржуазной стихии». Решительно все группировки из социал-демократического лагеря не говорят *так*. Больше того, в буржуазном лагере говорят то же.

В чем обвиняли постоянно Ленина? В том, что он построил новую, не марксистскую школу, что, по Марксу, якобы, нельзя строить социализм в стране, где рабочий класс находится в подавляющем меньшинстве, а по Ленину—можно. По социал-демократам—нельзя строить социализм в стране,

где рабочий класс представляет маленькую часть всего населения, а по Ленину—оказалось можно. Наши противники нам говорят, что это отступление от марксизма.

И с этим вопросом увязан целый ряд других вопросов. Нам говорят: нельзя, чтобы было пролетарское государство там, где пролетариат в меньшинстве,—поэтому нужна буржуазная демократия, поэтому нужен лозунг—«назад к здоровому капитализму», как говорят меньшевики. Если мы возьмем не меньшевистский лагерь, а некоторые группы внутри нашей партии, в которой раньше такие оттенки мнений тоже были, то мы увидим, что такие оттенки мнений представлял т. Троцкий, с которым мы прошлый и позапрошлый годы столь ожесточенно дискутировали. Суть его мнений заключалась в том, что, с одной стороны, он был решительным образом против меньшевиков, когда те говорили: «за пределы буржуазной республики не прыгнешь», а, с другой стороны, он был и против большевиков, когда большевики говорили, что можно продержаться в союзе с крестьянством. Он говорил: ничего подобного, крестьянин вам сейчас же изменит, и неизбежно, после завоевания рабочим классом власти, будет драка между рабочим классом и крестьянством. Эта драка должна неизбежно кончиться поражением пролетариата и реставрацией, если не будет государственной помощи со стороны победоносного западно-европейского пролетариата. Победивший рабочий класс Запада поможет нам справиться путем своей высокой техники. А то, что проповедуется другими—это есть суздальский марксизм, который, как в одном месте у т. Троцкого очень картинно написано,—представляет собой марксизм в «большевистском изложении», как бы Афродиту, отраженную в тульском самоваре. Так считалось необходимым изображать дело. С этим течением мы вели борьбу. Ну, Афродита в тульском самоваре, пусть

будет так, но если она «соответствует действительности», говоря словами Надежды Константиновны, то это очень хорошо. С такой Афродитой нам по дороге—«нам с лица не воду пить».

Так обстояло дело. Партия боролась против этих оттепков? Боролась. В двух дискуссиях боролась, ожесточенно боролась. Что партия завоевала в этих двух дискуссиях? Завоевала твердое убеждение, что драка между рабочим классом и крестьянством после завоевания власти рабочим классом *необязательна,* она *возможна,* но не *обязательна.* Если бы она случилась и получился бы раскол между этими двумя классами, тогда мы, конечно, погибли бы, но при правильной политике с нашей стороны это вовсе не обязательно. Тов. Ленин в своем политическом завещании, которое он нам оставил, тоже самое поставил так вопрос: раскол между рабочим классом и крестьянством возможен, но не необходим.

А если раскол между рабочим классом и крестьянством не необходим, то что это значит? Это значит, что мы не погибнем, *несмотря* на то, что у нас отсталая страна, что мы потихонечку будем сперва на коняге мужицкой, а потом на коне нашей металлургии, а потом на коне нашей электрификации двигаться. Куда? К *социализму.* Ведь *так* мы все рассуждаем. В этом была *главная идея, которая была положена в основу политического завещания Владимира Ильича.* Тов. Ленин написал еще в последнее время своей жизни великолепнейшую статью против Суханова, где он поставил вопрос прямо: да, наша страна очень отсталая, да, мы, не имея большой экономической базы, сперва завоевали политическую власть, а потом можно медленными шагами,—благодаря тому, что на международный капитализм, с одной стороны, наступают колониальные народы, с другой—пролетариат,—медленными, черепашьими шагами идя, можно камешек за камешком

строить социализм. Когда товарищи говорят, что мы погибнем или можем погибнуть от нашей технической отсталости, это, конечно, не значит, что на нас прут «отсталые» орудия труда,—рубанок, скажем, свергает Политбюро ЦК ВКП. Это значит, что наша техническая и экономическая отсталость приводит к тому, что мы обязательно рассоримся с мужиком и что *он* нас, может быть, рубанком по голове стукнет. Речь идет; следовательно, о том, что из отсталости техники и экономики обязательно, якобы, должны вытечь расхождение между пролетариатом и мелкой буржуазией и победа последней.

Мы боролись против этого, мы говорили, что это неправильно, будто бы *обязательно* будет конфликт. Мы говорили, что раскол между основными классами нашей страны *необязателен;* что мы можем индустрию держать припертой к крестьянскому хозяйству и не отрываться от крестьянского хозяйства, держать с ним связь, что мы будем итти с этой большой массой хотя и медленными шагами, но все-таки итти вперед и потихоньку делать свое дело, которое есть дело медленного, очень медленного, но все же *строительства социализма.* Вот как мы ставили вопрос.

Разве эта точка зрения сейчас должна быть отвергнута? Есть ли для этого какие-нибудь основания? Есть ли у нас основания отказываться от всего того, за что мы с таким азартом боролись два года тому назад во время дискуссии с тов. Троцким? Откуда у нас появилась мысль, что нам нужно итти назад? Неясно это. Наоборот, нашу партию мы настроили на такой лад, что она получила твердое убеждение в правильности этой линии. Никаких добавочных аргументов здесь сторонники противоположного взгляда нам не приводили, а теперь вдруг выпыривает эта история, что мы, пожалуй, «погибнем» из-за нашей технической и экономической отсталости! Это *возврат к уже изжитым позициям*, это

реакционная попытка нашей партийной мысли. Нас тащат по сути дела к Троцкому старых времен, а через него еще дальше.

Мы этого не желаем. И мне кажется, что правы те рабочие, с которыми я сегодня беседовал, которые говорили: «Если бы это было так, как говорят они, что мы обязательно погибнем от технической и экономической отсталости, то зачем же было проделывать Октябрьскую революцию, зачем при таких издержках огород городить?». Они правы, когда говорят: «Послушайте, мы подвигаемся сейчас вперед. Два года минимум мы идем уже вперед, почему мы и на будущий год не сможем итти вперед? Почему обязательно мы на будущий год погибнем? Какие есть основания, что мы не будем в течение *следующего* года усиливаться? Если мы в более трудное время усиливались, почему мы дальше не сможем бусиливаться, почему будущий год для нас закрыт? А если будущий *не* закрыт, то почему последующий год перед нами закрыт? И где конец здесь, где получится «необходимый», якобы, провал? Технику нашу мы все-таки все время улучшаем. Если мы при слабой, дрянной технике, при полной разрухе, когда металлисты делали зажигалки, — не погибли, почему мы погибнем, когда мы достигли почти довоенного уровня промышленности? Непонятно! Никак концы с концами не сводятся, и разум человека не может указать предел, где мы будем проваливаться от отсталости, когда мы *каждый год эту отсталость преодолеваем.* Вот в чем суть.

Нам совершенно ясна такая идеология, которая представляет собой известный скептицизм, безверие, как сказано в резолюции партийного с'езда,—безверие в социалистическое строительство у нас, а ведь если наверху партии, в ее руководящих кругах появилось безверие, то внизу это может превратиться в прямое *отрицание.*

Если, скажем, кто-нибудь из нас «наверху» громко говорит: «пожалуй, ребята, мы не справимся, мы, пожалуй, скорее всего, необходимо должны будем погибнуть без международной революции», то на низу повторят в десят раз громче: «на кой чорт огород городить, зачем стараться?».

Так говорить нельзя, здесь скептицизм переходит в уже прямое отрицание возможности строительства социализма. А по сути дела, если рассмотреть весь этот круг идей с логической стороны, то это есть возврат к *старой, до-ленинской* постановке вопроса. То, против чего Ленин полемизировал, сейчас отрыгнулось совершенно неожиданно в новой форме: говорят о том, что мы обязательно должны погибнуть от нашей технико-экономической отсталости.

Мы прямо против этого полемизировали на партийном с'езде. Повторяю, это вы можете проверить по бюллетеням с'езда,—никто не сказал, что мы неверно цитируем слова т.т. Каменева и Зиновьева о технико-экономической отсталости, никто нам не возражал. По существу оппозицией не было дано ответа по этому поводу. Это значит, кое у кого рыльце в пушку. И вот эти владельцы «рылец в пушку» отлично понимают, что это их слабый пункт, по которому можно бить, и это действительно слабый пункт, который можно назвать как угодно, но не пунктом, который соответствует на 100 проц. ленинизму.

Вот первый большой, крупный вопрос. Его практическое значение легко понять всякому практическому работнику партии. Он, правда, не содержит в себе никакого конкретного предложения в смысле улучшения той или другой отрасли производства и т. п., *но задает определенный тон всей нашей работе.* Представьте себе такое положение вещей, что с'езд встал бы во весь рост и сказал бы всей партии: «Мы обязательно погибнем от технико-экономической отсталости, если

не будет международной революции». Что бы было, я не знаю. Было бы чорт знает что! (Смех). А ведь совершенно естественно, что, если политический деятель такую штуку говорит, он должен говорить с таким расчетом, что он сможет повторить это от имени всего партийного с'езда.

Повидимому, здесь вопрос можно считать исчерпанным и конкретно формулировать его так: две проблемы существуют.—Вопрос о гарантии против международной реставрации—это одно. Второй вопрос о том,—погибнем ли мы обязательно или не погибнем от нашей технико-экономической отсталости. По первому вопросу мы говорим: без международной революции у нас гарантии от реставрации нет.

А от технико-экономической отсталости мы *не погибнем*, потому что мы ежедневно, ежемесячно и ежегодно будем эту технико-экономическую отсталость преодолевать. Наш хозяйственный рост и есть постоянное преодоление этой технико-экономической отсталости.

V. Вопросы о НЭПЕ

Теперь, товарищи, позвольте перейти ко второму пункту, к *вопросу о нэпе*. Опять, казалось бы, что вопрос о нэпе мы уже давным давно решили, но тем не менее этот вопрос опять стал перед нами и он стал в связи с первым вопросом, о котором я только что говорил. Сейчас очень легко нажить себе политический капитал потрясанием кулаков по отношению к нэпу, в особенности среди мало квалифицированных пролетариев. Я уже говорил, разве у нас все обстоит благополучно? У нас масса кричащих противоречий—беспризорные и роскошь нэпманов. Когда говорят в просторечии: нэп, нэп, то под этим подразумевают не нашу экономическую политику в целом, и даже не хозяйственный уклад в целом, а подразумевают новые буржуазные слои, новую буржуазию.

В первую очередь, мол, надо их обуздать, их взять к ногтю. Если вы возьмете нашу обычную жизнь, то услышите такие разговоры: частный капиталист постоянно делает розничные надбавки, нельзя ли его убрать, чтобы он этого не делал? В кооперации нет калош, а у частного торговца есть калоши, и тут возникает вопрос, не разворовывают ли наши учреждения и не передают ли все частным предпринимателям? Нельзя ли покончить с этим безобразием? Беспризорные есть, а рядом в роскошных манто ходят жены нэпманов и всевозможные родственнички их обоего пола. Нельзя ли каких-нибудь меры придумать?

Классовая ненависть здесь большая. И мы не говорим, что нэпман милый, очень хороший человек, давайте, мол, трижды с ним похристосуемся.

Мы должны изыскивать все меры, чтобы обеспечивать растущий перевес наших хозяйственных органов, чтобы каленым железом выжигать растраты, воровство, бюрократизм, чтобы научиться делать поменьше ошибок, чтобы выравнивать фронт против скупщика, кулака, капиталиста. Но в то же время мы должны об'яснять, что целесообразно и что нецелесообразно; что можно сделать тотчас же и с чем нужно потерпеть. Нужно об'яснение правильной политики, которой должна держаться партия, а не горячиться, не обещать направо и налево то, чего сами сейчас дать не можем, не обещать лошадь—безлошадному, штаны—бесштанному, нос—безносому, невесте—жениха и жениху—невесту. Нельзя так, потому что наша партия есть такая партия, кот., если она сказала, *должна сделать*. Знаете, как вышло недавно, когда «обещали» прибавить заработную плату, а потом не прибавили настолько, насколько пообещали? Хорошо повлияло это на рабочий класс? Лучше меньше пообещать, но на 100 проц. эти обещания сдержать. Сказать меньше, но выполнить, не

шарлатанить, не водить за нос публику, не обещать того, чего партия выполнить не может. Мы—партия деловая. Мы не можем давать обещания зря. Большое искушение для демагога сказать: обещаю 100 проц., потом, глядишь: шиш и без масла! Так нельзя. Очень часто приходится сказать: «товарищи, этого нет, этого не можем обещать». Иногда приходится сказать: «сами старайтесь вылезти из этого положения». *Трудно* это сказать? *Трудно*, но лучше сказать это, чем зря обещать, потом надуть и потом постараться отыграться, что, якобы, не отвечаешь за то, что происходит. Нет, давайте уж отвечать за все, что делается в нашей партии. Я считал необходимым эту парочку слов сказать, чтобы подойти к вопросу очень большому, к вопросу о нэпе во всем его об'еме.

Товарищи из оппозиции выставляют *три* главных положения. Я их выуживаю из различных речей, докладов, книг, брошюр и т. д. Мне кажется, три характеристики новой экономической политики свойственны новой оппозиции. Во-первых, трактовка нэпа, *только как отступления*; во-вторых, трактовка нэпа, как *передышки*, как маневра из-за опоздания международной революции; в третьих, трактовка нэпа, как такой хозяйственной политики пролетариата, которая вытекает из *мелкобуржуазного* характера страны. Некоторые оппозиционеры определяют нэп, как политику пролетариата в мелкокрестьянской стране. Вот три главных характеристики новой экономической политики. Я считаю, что все эти 3 характеристики неправильны, что все эти 3 характеристики, которые формулируются так, как я их формулировал, влекут за собой неправильные политические выводы, и связаны с тем безверием в дело социалистического строительства, о котором я говорил выше.

Я беру *первый* пункт: нэп как отступление и *только* как отступление. Правильна эта характеристика или нет?

По-моему, неправильна. Мы у Вл. Ильича можем найти массу мест и сами неоднократно писали, что нэп—отступление; в 1921 г. это было основой всех наших рассуждений о нэпе. Но сейчас, на 8—9 году пролетарской диктатуры (а с 1921 г., со времени введения новой экономической политики уже также прошло изрядное количество лет), когда мы весь этот стратегический маневр оцениваем в целом, можем ли мы сказать, что это только отступление? По-моему, никак нельзя.

Мне пришлось уже на партс'езде дать формулировку, которую я здесь разрешу себе повторить. Нэп—это такой стратегический маневр пролетариата, *который включает в себя элементы отступления—раз, реорганизацию рядов—два и наступление перестроенным фронтом—три.* Ленин, когда обосновывал новую экономическую политику, также говорил, что мы отступаем для того, чтобы потом больше разбежаться и дальше прыгнуть. Это всякий помнит. Во время Генуэзской конференции он, на с'езде металлистов, заявил: «отступление теперь приостановлено». А разве, когда он это говорил, он предлагал *отменить* новую экономическую политику? Или, может, он предлагал топтаться на месте? Ясное дело, что здесь предполагалось вовсе не это, а предполагалась перестройка рядов и потом движение вперед перестроенными рядами. Мы теперь можем пред собой поставить такой вопрос: хорошо это так *планировать*, а как вышло? Может быть, вышло *по-другому?* Нет, вовсе не по-другому, а вышло так, как оно предполагалось. Потому что, позвольте вас спросить: если у нас наша государственная промышленность не была отдана концессионерам в большом размере, а мы своими собственными руками ее подняли,—это отступление, это продолжение отступления или нет? Нет, это есть уже известная *победа.* Если мы несколько лет тому назад имели всего каких-нибудь 10 процентов довоенного производства, а теперь мы

имеем почти довоенный уровень, — есть это продолжение *отступления* или *продвижение вперед?* Это есть, несомненно *продвижение вперед.* А когда мы говорим о наших «успехах», значит ли это, что мы отступаем? А когда все, в том числе и тов. Зиновьев, говорят об успехах социалистического строительства, это значит, что мы отступаем? Или, может быть, это значит, что мы от *нэпа отказались?* Ничего подобного нет. Мы от нэпа *не* отказались, *мы идем по рельсам нэпа.* Но мы отступление прекратили и топтание на месте прекратили. Всякие хозяйственные формы могут находиться в 3-х положениях: либо они идут назад, либо они стоят на месте, либо они идут вперед. Если мы не отступаем сейчас, если мы не топчемся на месте, то ясно, что мы идем вперед. Ничего иного ни один умник и никакая оппозиция не смогут придумать, и поэтому всякий понимает, что, действительно, мы идем вперед.

Разве, товарищи, то обстоятельство, что у нас 95 проц. нашей крупной индустрии находится в руках нашего государства, что мы вытеснили частного торговца из оптовой торговли, что мы его вытеснили в значительной мере из оптово-розничной торговли, то мы начинаем его понемногу бить и в рознице, хотя и не так быстро, как хотим,—разве это не есть победа в *классовой борьбе?* Конечно, есть. Разве это не есть продвижение вперед? Конечно, есть. А нэп мы отменили? Нет. Что же это значит? Это значит, что *мы двигаемся вперед и наступаем на рельсах нэпа.* Что это значит еще более конкретно? Это значит, что мы не отменяем «свободы торговли», что мы не ловим каждую бабу, торгующую дрожжами. Мы частную торговлю допускаем, мы не возвращаемся к продразверстке, не возвращаемся к системе карточного распределения селедок, мы не возвращаемся к системе, кото-

рая запрещает всем и каждому торговать и которая поэтому плодит мешочников, мы не возвращаемся к «максимкам» и пр.

Когда сегодня некоторые из рабочих стали говорить насчет нэпа, я им сказал просто: «а хотите возвратиться к военному коммунизму, желаете возвратить продразверстку?» Все загудели: «что вы, с ума сошли!». «Желаете карточную систему?» Все загудели: «нет!» Итак, новая экономическая политика не есть только отступление. Если мы в 1921 году должны были центр тяжести класть на то, что нэп есть отступление, так это вполне понятно. Ибо, когда, действительно, отступают, зачем тогда кричать: мы наступаем! Добро бы отступить в полном порядке. И *тогда* говорили (это был один из лозунгов Ильича), что нам нужно отступить в полном порядке, а кто будет панику разводить, того расстрелять надо. Было бы чрезвычайно глупо, если бы мы тогда изо всех сил кричали: «Гром победы раздавайся, веселися, храбрый росс». Но теперь, когда мы этот период изжили, когда мы идем вперед, тоже неумно было бы кричать, что мы отступаем, когда на самом деле, мы уже наступаем. Кричать об отступлении при наступлении очень добродетельно, очень скромно, за это, может быть, живьем в рай попасть можно, но это вряд ли очень умно.

Если мы будем так рассматривать вопрос, то характеристика нэпа, как только отступления, не годится. Был элемент отступления и очень большой и крупный, был элемент перестройки рядов. Было одно время, когда мы топтались на месте и когда Владимир Ильич выбросил лозунг: «Учитесь торговать». Никто из хозяйственников не умел торговать. Торговать казалось совершенно сумасшедшим для коммуниста делом. Сперва долго думали, чесали затылки, а затем сообразили, что нужно все же «учиться торговать». Сколько времени пошло на эту учебу, вы все отлично знаете. Частный

капитал проник на первых порах во все щели нашего хозяйственного организма, здорово наживался, а мы сами тогда топтались на месте и наблюдали, как расхищают остатки добра из наших складов. Но и это время топтания прошло. И то, что мы в области нашей оптовой торговли вытеснили частного посредника,—это есть наша победа, это есть наше наступление. То, что мы вытесняем его из оптово-розничной торговли, это тоже есть наша победа.

В общем и целом наша экономическая пролетарская база сейчас тверже или нет? Конечно, тверже. Ни один разумный человек не может в этом сомневаться. А сли мы в этом не сомневаемся, то будьте добры перевести это на язык стратегии и тактики, и вы получите положение, что *теперь*—мы уже *наступаем*. Определение нэпа только как отступления связано с мыслью о невозможности строительства социализма в одной стране из-за нашей технической отсталости. Ибо если ты не веришь в возможность строительства социализма в одной стране из-за того, что по технической отсталости, по нищете мы должны неизбежно погибнуть, то о каком же наступлении можно тогда говорить? Одно с другим тесно связано. Вот первая характеристика нэпа, как отступления, и только.

Вторая характеристика. Товарищи утверждают, что нэп—это только уступка из-за оттяжки международной революции, что нэп введен только потому, что мы должны получить передышку. Дай бог нам в этой передышке не поколеть, а когда будет международная революция, мы вздохнем посвободнее и тогда всех вздуем. Что мы вздохнем посвободнее и всех вздуем,—с этим я согласен. Однако, с тем, что нэп у нас, главным образом, введен из-за того, что международная революция запоздала,—вот с этим я абсолютно не согласен и не понимаю, почему такое рассуждение появилось на

свет. Представьте себе, что побеждает международная революция. Что же, вы сейчас броситесь вводить продразверстку? Откуда это вытекает? Вы думаете, что если международный пролетариат поможет нам машинами и проч., то первое наше дело будет вернуться к продразверстке? Да ведь это же будет оголтелая глупость! Мы получим помощь и техническую, и экономическую, что же будет в результате? А мы выиграем то, что мы *скорее будем катиться по рельсам нэпа, скорее будем на этих рельсах бить частника, скорее придем к социализму.* Если мы без помощи международной революции сможем кооперировать крестьянство в течение, скажем, 50 лет, то с помощью международной революции мы это кооперирование проведем, быть может, в течение 10—15—20 лет, потому что мы сможем скорее построить наши электростанции, скорее наладим доставку всяких других товаров, скорее сможем добить частный капитал через рынок путем конкуренции с ним. Значит, мы скорее будем катиться по рельсам нэпа, пока он не будет изжит. Нэп соответствует тому, что налицо есть *рыночные отношения,* что есть купля-продажа. Когда-нибудь они исчезнут? Да, исчезнут. Когда? При социализме. Каким путем? Когда все крестьянство будет кооперировано, когда оно будет сомкнуто с госпромышленностью и подо все это будет подведен базис электрификации. Конечно, рынок тогда исчезнет, все будет распределяться, но не ржавые селедки, а первоклассные продукты. Рынок исчезнет, но не потому, что мы закроем все лавки, а потому, что мы к тому времени целиком организуем мелкие хозяйства, которые уже из частных мелких понемногу будет становиться крупными общественными производственными единицами. Когда будет международная революция, этот процесс великой переделки мелких хозяйств ускорится, наша промышленность будет расти быстрее, мы

будем давать больше машин крестьянскому хозяйству, кооперация будет расти тоже гораздо быстрее, электрификация будет быстрее становиться действительностью. Мы все эти этапы пройдем гораздо скорее, и будем итти, отнюдь не возвращаясь к военному коммунизму. Разве можно сказать, что в результате международной революции мы сейчас же введем продразверстку? Это вздор. Ничего подобного не будет. Следовательно, и трактовка нэпа, как такой политики, которая вытекает из того, что международная революция запоздала,—неправильна. Так ставить вопрос нельзя.

Наконец, *третий* вопрос—является ли нэп политикой, которую пролетариат ведет в мелкокрестьянской стране, или нэп является политикой, которую нужно будет вести не только в мелкокрестьянской стране. Мы утверждаем, что не только в мелкокрестьянской, но и в любой стране, хотя бы даже Англии. Мы не будем запрещать всякую торговлю, которая есть и долго еще будет, ибо нет ни одной страны, где бы существовала только одна крупная индустрия. Есть страны, более развитые, такие страны, в которой крестьянство составляет меньший процент населения; эти страны, естественно, *скорее* пробегут свой путь нэпа и *скорее* подойдут к социализму; поэтому там *скорее* будет осуществлен полный социализм. Но это вовсе не значит, что мы там будем оперировать методами военного коммунизма. Я считаю, что мы достигли крупного завоевания не только в теории, но и на практике, когда вдолбили всем иностранным партиям, что нэп, по словам Ленина, это есть *«единственно правильная хозяйственная политика пролетариата»*, которая будет обязательной для любой страны, где рабочий класс придет к власти. Мы эту истину ленинизма проводили и на конгрессах Коминтерна. По Ленину нэп—это есть «единственно правильная хозяйственная

политика пролетариата», нэп годится вообще не только для нас, но и для других стран, мы ввели нэп вовсе не только из-за соображений передышки, а потому, что это есть «единственно правильная хозяйственная политика пролетариата». Товарищи, которые нам возражают, часто говорят, что вы-де нэп отожествляете с социализмом. Это же, между прочим, говорят и меньшевики в последнем номере «Социалистического Вестника». Но я утверждаю, что вряд ли вы найдете такого дурака, который отожествлял бы нэп с социализмом. Это вздор, когда говорят, будто бы кто-либо из нас когда-нибудь говорил: куда ни плюнь—всюду социализм. Это был бы такой идиотизм, который абсолютно не был бы терпим в рядах нашей партии. Утверждать, что нэп—это социализм, это вдвойне глупо и безграмотно. Социализм—это есть определенный уклад, а нэп—это есть политика,—это, во-первых, а во-вторых, если бы под нэпом разуметь тот хозяйственный уклад, который у нас существует, включая сюда и кулака, и мелкого и среднего крестьянина, и какого-нибудь человека, который живет патриархальным бытом, и нашу госпромышленность,—и если бы все это назвать социализмом, то это тоже было бы глупо. Никто у нас не говорит, что беспризорные дети—это есть воплощение социалистического начала. Ведь это же просто смешно говорить подобные вещи или опровергать их. Но из этого вовсе не вытекает, что нэп нужно трактовать, как отступление от социализма, только как отступление. Мы должны прямо сказать, что нэп, как и всякая политика, таит в себе громаднейшие опасности. Найдите вы такую политику на нашей грешной земли, которая бы не сопровождалась никакими опасностями! Такая политика невозможна, ее нет. Точно так же и нэп имеет громадные опасности: нэп допускает частичное возрождение капитализма. Сейчас всякий

дурак знает, что капиталист—это наш противник и что мы должны вести борьбу против него. Это нужно повторять, это нужно подчеркивать иногда более резко, иногда менее резко. Что наши хозяйственники очень часто имеют дело с капиталистическим окружением и иногда отражают в своей психологии далеко не пролетарские черты,—это тоже абсолютно верно. А разве мы 20 тысяч раз об этом не говорили? Конечно говорили. Разве мы этой опасности не видим? Видим. Что же от нас требуется в борьбе с этой опасностью? Очень многое. Но тогда извольте предложить конкретные меры для борьбы с бюрократизмом, для правильной политики цен, для урегулирования внутренней торговли, для правильной партийно-политической линии, для контрольных комиссий и целый ряд других мер. Но наличие серьезных опасностей, противоречивый характер нашего хозяйства и т. д. не есть достаточное основание для того, чтобы трактовать нэп только как отступление, или как какую-то секретную болезнь, которую нужно скрывать и которой нужно стыдиться. Как же можно стыдиться политики, которую Владимир Ильич назвал «единственно правильной хозяйственной политикой пролетариата»? Стыдиться нужно не того, что у нас есть нэп, а того, что мы иногда слишком мало работаем на базе нэпа, слишком медленно экономически побеждаем «частника», слишком плохо хозяйствуем сами, не предпринимаем того, что нужно делать для борьбы с отрицательными сторонами свободной торговли и со всеми безобразиями, которые у нас есть со всем бюрократизмом, который у нас имеется. Но это *другой коленкор*. Это нужно разграничить. Я говорю 20 тысяч раз, что мы абсолютно не должны отступать от принципов нэпа, мы должны иметь твердую линию. Вполне соответствует действительности положения, что мы сейчас на рельсах нэпа *наступаем*. И в то

же время мы должны кричать: будьте любезны быстрее двигаться, лучше работать, быстрее растить социалистические элементы хозяйства, солиднее экономически бить частника; будьте любезны изгонять бюрократизм из наших учреждений—болячки и язвы, которые у нас там сидят. Будьте любезны сделать так, чтобы не случалось того, что в кооперативах товаров нет, а у «частников» есть; будьте любезны сделать так, чтобы кооперация продавала товар дешевле, будьте любезны сделать так, чтобы растратчики и воры не сидели в кооперативах; будьте любезны принять тысячи мер, которые вели бы к перевесу нашего хозяйства над частным. Это все правильно, это есть деловой разговор. Если же ты выходишь к рабочим и говоришь, что имеется только отступление и т. д., то этим ты *подрываешь веру в «единственно-правильную хозяйственную политику пролетариата»* и ты способствуешь тому, что несознательные слои рабочего класса, новые слои рабочего класса (отчасти деревенская беднота) начинают в известной степени поднимать голос против новой экономической политики вообще. Но если нужно повернуть, то поворачивать можно ведь только к военному коммунизму; больше никуда вы не повернете. А нам нужно не отступление от нэпа, а более быстрое, на рельсах нэпа, продвижение вперед, усиление социалистических элементов хозяйства, более быстрая победа над частником. Но это совершенно другой разговор: но есть преодоление тех трудностей, которые у нас на базе нэпа имеются, которые обязательно будут еще очень долгое время и которые мы будем преодолевать с великими усилиями. Но в то же время мы должны понять, что если мы будем подрывать веру в то, что мы идем по правильному пути, то мы эти болячки не будем лечить, а будем их усугублять. Мы их тем скорее преодолеем, чем увереннее

будут авангардные слои рабочего класса в правильности нашего общего пути. Только при такой предпосылке мы сможем лечить наши недостатки и одолевать в борьбе частный капитал. Если этой предпосылки не будет, то будут выдернуты основные столбы нашей политики, не будет никакой правильной перспективы. А без этого невозможно руководство пролетариатом, государством и страной.

VI. О нашей госпромышленности

Товарищи, я ставил сперва самые общие вопросы— о строительстве социализма в одной стране, потом более узкий вопрос—о нэпе, теперь беру еще более узкий вопрос— о характеристике нашего хозяйства, и в особенности, госпромышленности, в связи с вопросом о госкапитализме.

На этом вопросе я уже имел случай останавливаться перед товарищами из московской организации в речи на нашей губернской конференции,—и здесь, само-собой разумеется, мне придется кое-что повторить. Прежде всего, опять-таки, почему этот вопрос всплыл у нас сейчас? Он всплыл потому же, почему всплыл вопрос о возможности строительства социализма в одной стране и вопрос об общей оценке новой экономической политики.

Кратко говоря, причину этого можно формулировать таким образом. Вливаются новые слои в рабочий класс, деревня поставляет новые кадры рабочего класса. Это еще совершенно нетронутый человеческий материал, так сказать, человеческое «сырье», необработанное еще городской жизнью, пролетарской общественностью в профсоюзах, в различных рабочих организациях, в клубах и т. д. Они в первую голову, но, конечно, не только они, ставят перед собой этот вопрос: что такое нэп, и не идем ли мы куда-нибудь, бог знает куда, но только не к социализму. Точно

так же они ставят вопрос и о нашей госпромышленности, о наших фабриках, о нашем хозяйстве вообще,—в первую очередь, вопрос о нашей госпромышленности.

Если совершенно строго говорить и спрашивать, есть ли наша госпромышленность социализм, и если давать абсолютно точные формулировки, то нужно сказать, что такого вопроса в сущности задавать нельзя, потому что под социализмом подразумевается такой порядок, такой строй, когда *все* хозяйство организовано. Вот это есть социализм. И с этой точки зрения, в строгом смысле слова, нельзя сказать, что какой-нибудь *кусочек* хозяйства есть социализм. Социализм—это есть понятие, которое распространяется на *все* хозяйство. Вот, если бы у нас все хозяйство в целом было организовано на основе общественной собственности на средства производства,—это был бы социализм. Значит, когда мы говорим относительно нашей госпромышленности, то мы слово социализм употребляем в некотором условном смысле,—в применении к *части* хозяйства. Как идет спор, как стоит вопрос? Я этот вопрос поставлю точно так же, как ставил вопрос относительно возможности строительства социализма в одной стране и как ставил вопрос относительно нэпа.

Прежде всего я скажу, как на это дело смотрят наши открытые враги. Возможность строительства социализма в одной стране наши противники из лагеря меньшевиков, эсеров и проч. прямо отрицают. Насчет нэпа они все говорят, что это—капитализм и—никаких. Что же говорят насчет нашей госпромышленности наши открытые противники? Они, конечно, говорят, что здесь социализмом *и не пахнет*. Все вы отлично знаете, как ставят вопрос, например, меньшевики. Они говорят, что сейчас эксплоататором рабочего класса является государство, которое вовсе не есть проле-

тарское государство, а есть, как они говорят, «нэповская диктатура». Государство, по их мнению, есть наниматель и эксплоататор, государственные предприятия суть предприятия государственно-капиталистические или просто капиталистические, социализм здесь не при чем. Вот как в открытую ставят вопрос наши враги.

Вы знаете также, что у *Ленина* формулировка по отношению к нашим госпредприятиям такая: они, по Ленину, суть предприятия *«последовательно-социалистического типа»*. Какую позицию в этом вопросе заняли товарищи из новой оппозиции? Они *колеблются* между этими формулировками, при чем одни из них почти вплотную подходят к тому, чтобы назвать наши госпредприятия госкапиталистическими, другие занимают промежуточную позицию и только некоторое время спустя, после нашей контратаки, после целого периода дискуссий в наших рядах, ими по этому вопросу было заявлено, что они «вместе с Лениным», вместе со всеми, считают наши предприятия предприятиями «последовательно-социалистического типа».

Я, товарищи, не буду здесь цитировать то, что у вас навязло у всех в зубах: то, что писал тов. Залуцкий, то, что говорил тов. Евдокимов, то, что говорил тов. Зиновьев в своей книге «Ленинизм»,—все то, что цитировали и в речах на с'езде и в ответе Московского Комитета нашей партии, в документе, который был написан в ответ на заявление ленинградской конференции. Но я позволю себе все-таки взять одну формулировку, которая принадлежит тов. *Каменеву*, и которая взята из его речи на с'езде. В первую очередь я делаю это потому, что каменевская формулировка, мне кажется, с одной стороны, очень осторожна, а с другой стороны, она неверна и идет по линии, которая отступает от определения, данного нашей госпромышленности т. Лениным.

Тов. Каменев говорит буквально: *«по отношениям собственности наши госпредприятия социалистичны, по отношениям людей—еще нет»*. Что это значит? Я считаю, что эта формулировка, не-марксистская формулировка, она не соответствует действительности и поэтому неправильна.

На этой формулировке я остановлюсь, потому что она—наиболее осторожная из оппозиционных формулировок, и тем не менее неправильная. Что хочет сказать т. Каменев этой формулировкой? Он этим хочет сказать следующее: поскольку собственником средств производства, фабричных зданий, машин, оборудования и проч. является пролетарское государство, поскольку вопрос о собственности стоит таким образом, что собственность находится в руках рабочего класса, поскольку данные предприятия социалистичны. А что касается *отношений между людьми*, то они не социалистичны. Я прежде всего должен сказать, что это *противопоставление абсолютно не выдерживает никакой критики*. А что такое собственность? До сих пор мы все, марксисты, думали, что собственность это есть отношение между людьми. Это неоднократно раз'яснялось Марксом в спорах с буржуазными учеными. Что такое имущественное право, что значит, что пролетариату принадлежит собственность? Это значит, что пролетарский класс, как совокупность определенных людей, находится в определенных отношениях друг к другу и в определенных отношениях к другим людям, к другим классам.

И если мы говорим, что собственность на средства производства, на фабрики и заводы принадлежит рабочему классу, это значит, что есть определенные отношения между пролетариатом и буржуазией, что буржуазия не имеет права на эти средства производства и, следовательно, стоит в определенных отношениях к рабочему классу. Разве собственность

есть отношение человека к вещам? Ничего подобного. Это старая не-марксистская точка зрения. Если один человек на голом острове будет находиться в определенном отношении к вещам, как это назвать? Тут и *не возникает* вопроса о собственности, имущественных правах и т. д. Эти вопросы возникают именно как вопросы отношения между *людьми*, отношения, лишь проявляющегося в отношениях к вещам.

Если мы признаем, что вопрос о собственности есть вопрос об отношениях между людьми,—а признать это полагается всякому грамотному марксисту,—то мы должны будем отрицать и то противопоставление, которое допустил тов. Каменев.

Это—*первое* замечание.

Второе. Как определяет «способы производства» такой, надеюсь, «неуклонист», как К. Маркс? Он способы производства различает по тому, в руках каких классов находится *собственность на средства производства.* Разве это не так? Чем отличается капиталистический способ производства от феодального? Феодальный от капиталистического? Капиталистический от социалистического? Тем, как люди относятся друг к другу в связи с вопросом о *собственности на средства производства.* Разве это не так? До сих пор мы полагали именно так и до сих пор именно *этот признак считался решающим признаком.* Если этот признак—решающий, то само собой разумеется, что когда перед нами ставится вопрос о капиталистическом, госкапиталистическом или же социалистическом характере предприятия, то вопрос о собственности на средства производства есть решающий вопрос. Если вы утверждаете, что пролетарская рука лежит на средствах производства, то вы тем самым ответили и на вопрос о социалистическом типе отношений.

Вот второе замечание.

Третье замечание. Есть известная, конечно, проблема, известный резон в постановке другого вопроса: а вот внутри фабрики отношения между людьми вполне социалистичны, такие же точно, как при развернутом социализме или нет? Добросовестно нужно поставить и этот вопрос. Я скажу: нет, не вполне. Почему? Потому, что в развернутом социалистическом строе, в особенности при коммунизме, не будет *управляемых и управляющих.* Там, управление будет над вещами, как выражался Энгельс, но не над людьми, т.-е. не будет разницы между директором, хозяйственником и простым рабочим, между умственным трудом и физическим, между квалифицированным рабочим и неквалифицированным. Это все хорошо и прекрасно. Но позвольте вас спросить: а вот, если мы возьмем такую вещь, как *пролетарская диктатура,* или *партия,* то нельзя ли и здесь поставить аналогичные вопросы?

Я беру сперва вопрос о пролетарской диктатуре. Рассмотрим его с такой точки зрения: у нас есть государственная власть, пролетарская диктатура, государственный аппарат. Все ли рабочие *поголовно* втянуты в этот государственный аппарат? Конечно, не все. А есть ли этот тип государственной власти пролетарская диктатура? Конечно, есть. Что же отсюда вытекает? Отсюда вытекает, что у нас не все готово, как яичко к христову дню. У нас далеко, далеко не все рабочие втянуты в управление производством,—это верно. Но потому, что не все втянуты, можно ли сказать, что это есть *госкапитализм?* Или, потому, что не все рабочие втянуты в процесс управления государством, можно ли сказать, что здесь есть элементы капиталистической власти? Абсолютно нет. Можно ли назвать пролетарской диктатурой власть, при которой среди рабочих есть такие, которые находятся в аппарате управления, а есть и такие, которые

имеют дело только с какой-нибудь мяздрой и иногда не чувствуют еще, что они являются членами класса, стоящего у власти? Я думаю, что можно, конечно. Это есть зло, что не все втянуты в управление? Зло. Это есть проходящее явление? Проходящее. Нужно с этим бороться? Нужно. А мешает все это такой постановке вопроса, что наша диктатура есть *пролетарская диктатура?* Или, быть может, у нас не пролетарская диктатура, а *помесь* пролетарской диктатуры с диктатурой буржуазии? Быть может, у нас не пролетарская диктатура, а государство, где наполовину господствуют капиталисты? Кто так отважился когда-нибудь сказать твердо? Никто. Почему никто не сказал? Потому, что нелепость этого утверждения была бы сразу видна. Несомненно, не все массы втянуты в дело управления государством, далеко не каждая «кухарка» «научилась управлять» им. Это совершенно верно. Что перед нами величайшая задача борьбы с бюрократизмом, борьбы за то, чтобы втягивать все более широкие слои рабочего класса,—это верно. Мы были бы последними кретинами, если бы сказали, что все здесь сделано и все хорошо обстоит. Но, позвольте! Мог бы кто-нибудь сказать на этом основании, что по задачам госвласти у нас пролетарская диктатура, а по отношениям между людьми у нас не пролетарская диктатура, а наполовину пролетарская, наполовину капиталистическая? Ну-ка, попробуй кто-нибудь это сказать!

Тип государства у нас новый, его Ленин определил как новый тип пролетарского советского государства, хотя и с бюрократическим извращением. Но эта пролетарская диктатура, в своем внутреннем механизме может быть более совершенной, более развернутой, более развитой и менее развитой. В каждый данный момент она не представляет из себя совершенства, последнего слова «идеальной» проле-

тарской диктатуры. Это мы можем сказать наверняка. Но так же обстоит дело и с государственной промышленностью. По типу своему она *социалистическая*, потому что основной вопрос о собственности решен по-пролетарски. Это *главное*, этим *все* решается. И если у нас еще не весь рабочий класс втянут в управление и есть деления между «хозяйственниками» и «не-хозяйственниками», то это известные *противоречия в среде самого рабочего класса*, а вовсе не элемент *капиталистических* отношений.

Я вам приведу такой пример. У нас есть профсоюзы, есть наши хозяйственники, есть партия, в партии есть разные прослойки, тоже разные ступени партийной лестницы, ЦК, про который говорят: Цека играет человеком, она коварна и сильна». (Смех). Потом есть партийный середняк и так называемые партийные «низы». Из чего это проистекает? Из того, что у нас есть большая *культурная неоднородность всего рабочего класса*.

Но согласитесь, что если последовательно развивать аргументацию тов. Каменева, то нужно притти к следующим заключениям: так как у нас внутри партии есть такая градация разных партийных «чинов и орденов», то и в нашей партии есть, несомненно, элементы партийного или государственного капитализма. (Смех).

Рабочий класс имеет различные прослойки. У нас есть профсоюзники, с одной стороны, и с другой стороны,— хозяйственники. Рабочий класс выделяет из себя кадр хозяйственников и профсоюзников. На фабрике одни стоят над другими. Это есть деление *внутри рабочего класса*. Рабочий класс не однороден, перед ним чрезвычайно сложные задачи. Дело хозяйственника—следит за тем, чтобы производство поднималось. Он *пересборщит*, тогда профсоюзник его *исправляет*. Нельзя говорить, что отношения здесь между людьми

такие, которые будут при социализме. При развернутом социалистическом строе, действительно, *не будет* ни партии, ни профсоюзов, а будет равенство функций, различие культурного уровня в общем совершенно исчезнет. При коммунизме будет дело обстоять таким образом, что признанных авторитетов в том или другом деле будут «слушаться» просто так, как мы, например, слушаемся, когда доктор велит нам принимать касторку, и даже не голосуем этого. Точно так же, как всеми признано, что Пушкин—великий стихотворец, а вовсе не будут этого решать голосованием на ячейке: кто за Пушкина, кто против.

Этого не будет. Отношения между людьми будут другие. Мы к этому стремимся, мы за это боремся. Но из всех этих соображений можно ли сделать вывод, что в партии у нас капиталистические отношения между хозяйственниками и профсоюзниками госкапиталистические и тому подобную тараканью чепуху? Этого нельзя сказать, это совершенно ни из чего не вытекает. Из этого, что у нас на 8 году пролетарской диктатуры в рамках госпромышленности не вполне социалистические отношения между людьми, вовсе не вытекает то, что эти отношения суть капиталистические. Не все, что не есть, полный социализм, есть капитализм. Нужно же, в конце-концов, понять такую пустую вещь, что не все, что не есть полный социализм, есть тем самым госкапитализм или какой бы то ни было капитализм, ибо, кроме полного социализма и госкапитализма, есть еще целый ряд вещей, которые не укладываются *ни в ту, ни в другую* категорию. Что касается нашей государственной промышленности, то мы видим, что нет абсолютно никаких оснований считать, что она укладывается в категорию государственного капитализма, как это считают т.т. из новой оппозиции.

Я приведу теперь другое заявление, сделанное на с'езде, которое я осмеливаюсь сообщить потому, что оно еще не цитировалось. Я возьму выписку из речи т. Глебова-Авилова, который брал слово по докладу тов. Томского. Вот что он говорит: «Действительно, вся практика, которую вы проводили со времени XI с'езда... (оказывается, что уже нужно делить на «вы» и «мы») нашей партии, после того, как на этом с'езде приняли резолюцию, написанную т. Лениным, *вся ваша практика со времени этого с'езда явилась по существу водой на мельницу не социалистической, а госкапиталистической фабрики»*. Видите, с одной стороны, делается заявление, что наши предприятия последовательно-социалистического типа, а с другой стороны, оказывается, что во всей нашей политике с XI с'езда мы лили воду на мельницу госкапиталистической фабрики. Позвольте, у нас капиталистические фабрики—это частью концессионные, частью арендованные, частью небольшое количество частных. Все вместе они поставляют 5% общего количества продукции. Неужели мы старались, начиная с XI с'езда, из-за этих 5%? Никакой дурак этому не поверит. Следовательно, т. Глебов-Авилов прямо говорит, что мы вели такую политику, которая превращала наши государственные фабрики в госкапиталистические,—тут вы и попались! Ибо, как раз со времени XI с'езда у нас только и пошло возрождение промышленности, которое, по Авилову, падает на госкапитализм. Дальше, тов. Авилов говорит: «Мы все согласны, что национализированные предприятия являются предприятиями последовательно-социалистического типа». Откуда же это вдруг ни с того ни с сего следует? Ну, а дальше? Дальше тов. Авилов говорит: «Какие отношения между фабрикой и рабочим? Коллективные договора у нас заключаются рабочими через профсоюзы с администрацией, с хозяйственни-

ками. Что отсюда вытекает? Тов. Глебов-Авилов говорит, что такие отношения между хозяйственниками и рабочими не суть социалистические.

Я вам уже сказал, в каком смысле это нужно понимать. Но сопоставьте это с тем, что тов. Глебов-Авилов говорил раньше. «Вы, мол, льете воду на мельницу госкапитализма», а коллективный договор заключается рабочими через профсоюзы администрацией, с хозяйственниками. Формы отношений между ними таковы, что они как раз и выражают это «литье воды» на мельницу госкапиталистической фабрики. Что же получается? Получается, что отношения между хозяйственниками и рабочими, которые заключают коллективные договоры, суть *госкапиталистические отношения.* Но если это так, то отсюда вытекает, что хозяйственники наши, по Авилову, суть не известные представители нашего класса, которые поставлены на определенные посты (и которые, как отдельные личности, могут вырождаться, против чего мы должны бороться), а отсюда вытекает, что хозяйственники в своей совокупности суть новый эксплоататорский класс, новый капиталистический слой, и так как хозяйственники фактически распоряжаются нашими предприятиями, а рабочих только нанимают через профсоюзы, то по сути дела у нас имеются капиталистические отношения.

Как *мы* ставим вопрос насчет отношений между хозяйственниками и профсоюзниками, красными директорами и нанимающимися рабочими? Мы говорим, что у рабочего класса нет еще сил, чтобы *все* управляли; не все одинаково культурны, не каждый рабочий может быть директором, не каждый получил соответствующую сноровку. Ведь, нет ни одного человека, который вышел бы на трибуну и сказал: товарищи, давайте отменим всех красных директоров и будем

решать все технические и коммерческие вопросы общим собранием рабочих данной фабрики, потому что мы знаем, что тогда мы разрушили бы нашу промышленность. Поэтому мы говорим: вот у нас есть более опытные, более передовые слои рабочих, которые берут к себе в компанию и должны держать в соответствующих рамках известную часть интеллигенции, так называемых спецов, и говорим им от имени рабочего окласса: вот вы и ведите дело! Мы знаем, что эта часть нашего собственного класса, поставленная в известные условия, подвергается опасности вырождения, может в известной своей части переродиться. Это—опасность, которую нужно постоянно устранять и с которой нужно бороться. Мы говорим далее, что профсоюзники не должны быть собачкой, которая ходит на задних лапках перед хозяйственником и спрашивает: «Чего изволите?». Профсоюзная организация должна быть такой организацией, которая смотрит, чтобы хозяйственник *не перегибал палки.* В общей сложности это есть разные части единого пролетарского организма: если правая рука сделает неверно, то левая исправит. Вот как мы смотрим на дело. Есть известное разделение труда *внутри нашего класса.* Из этого разделения вытекает целый ряд опасностей, с которыми мы боремся, но все эти разные группы—сочлены нашего класса, наши представители, наши органы. А как ставит этот вопрос тов. Глебов-Авилов? Разве у него так стоит вопрос? Совсем не так: у него отношения между хозяйственником и нанимающимся рабочим трактуются как капиталистические отношения, и из этого проистекает все остальное.

Само собой разумеется, если вы имеете перед собой отсталый слой рабочего класса, этот отсталый слой менее квалифицирован, а значит и наихудшим образом оплачивается. Этот наихудшим образом оплачиваемый рабочий,

в особенности если он вновь приходит на фабрику, получает мало, живет скверно,—начинает ругаться: «Что же это, почти как по-старому, вот у меня семья из 5 человек, получаю 30—40 руб., живу, как собака». Что мы обычно говорим такому рабочему? Мы ему говорим: мы будем стараться повышать твой заработок, поскольку это возможно, но сейчас повысить много мы еще не можем, потому что сейчас такое-то и такое-то положение. Мы говорим, что единственный выход заключается в том, что нужно поднять нашу промышленность; мы уже шагнули далеко за уровень голодных годов, мы уже имеем значительные успехи. «Если ты говоришь,—говорим ему мы, такому отсталому рабочему,—что ты эксплоатируешься так же, как и раньше то ты смешиваешь две вещи: плохое житье с правильным пониманием того, что такое эксплоатация. Если раньше капиталист тебя эксплоатировал, с тебя драл, то все это он пропивал и проедал и проживал сам или строил для себя новые фабрики; т.-е. все это переходило в руки другого, враждебного тебе класса. А сейчас твоя—и наша общая—беда не в том, что твоя прибавочная ценность попадает в руки другого, враждебного, командующего класса, а в том, что общий уровень у нас нищенский». Я всегда вспоминаю, что, когда в 1918 г. приходилось обсуждать такого рода вопросы, я приводил такой пример: скажем, у нас есть партизанский отряд, который борется против контрреволюции. Он наг, нищ, бос. У этого партизанского отряда есть командир, который посылает этот отряд на смерть, заставляет людей драться. Они ему подчиняются, они все покрыты вшами, в отрепьях, холодные, голодные,—но они все-таки дерутся. Если бы кто-нибудь из этих партизанов сказал: «Что изменилось? В старой армии нас гнали драться и теперь то же самое. В старой армии мы жили даже лучше, чем теперь».

Могли ли они так говорить? Да, мы знаем, что не только могли, но кое-где и говорили. А все контрреволюционеры такие разговоры поддерживали. Но это было со стороны недовольных партизан неправильно, потому что цели, которые преследовала старая армия и которые преследовали наши партизанские отряды, совершенно различны.

А как обстоит дело в нашей промышленности? Мы сейчас боремся с капиталистическим миром. Мы не можем сейчас сделать так, чтобы всем рабочим сразу жилось хорошо, мы не можем еще всех пропустить через школы и университеты, мы не можем еще всех поголовно втянуть в управление хозяйством, мы не можем всех равно оплатить. Мы постепенно *приближаемся* к этому. Все наши старания направлены на это. Мы берем пачку людей, проводим их через школы и университеты, другую пачку—путем производственных совещаний—мы воспитываем, потом выделяем, так называемых, «выдвиженцев», которых ставим на ответственные посты. Мы делаем все это постепенно. Разве не так, при нашей бедности и безграмотности, мы должны делать, если хотим социалистически воспитывать массы? Конечно, так. И если такому серому рабочему, который мало получает, который не удовлетворен своей жизнью, который говорит, что все у нас, как по-старому,—если мы будем поддакивать и говорить: «Да, все по-старому»,—разве мы будем их социалистически воспитывать? Разве мы этим делу социализма будем помогать? А ведь, только продвигаясь к социализму, мы будем улучшать положение низко оплачиваемых рабочих. Другого пути для этого нет. Поддакивая, мы подрывали бы дело пролетарской диктатуры. Всегда труднее сказать голодному человеку «нет», и гораздо легче сказать «да». Разве одни легкие вещи надо об'яснять? Иногда и очень трудные вещи мы должны об'яснять. Трудно это сделать, но надо.

Вопрос об *эксплоатации* непосредственно связан с вопросом о *госкапитализме* в геспромышленности, вопросом, который является сейчас одним из наиболее жгучих вопросов для рабочих. Ведь обычно социалистически-невоспитанный рабочий думает, что раз ему плохо живется, то значит, его эксплоатируют. На самом деле, это далеко не всегда так, и мы должны об'яснить рабочему, что эксплоатируется он тогда, когда прибавочная ценность поступает в руки враждебного ему эксплоатирующего и командующего класса; а если она поступает в руки пролетарского государства, которое заботится о рабочих по мере сил,—конечно, делая ошибки и допуская иногда просчеты; если эта прибавочная ценность поступает либо в фонд социалистического накопления, либо идет на школы и больницы, Красную армию и т. д., либо в фонд кредитования маломощных крестьянских хозяйств, которые в конечном счете будут играть роль в деле поднятия госпромышленности,—если это так, то это уже не эксплоатация. Вся беда наша в том,—и на этом часто наигрывает демагогия,—что мы боимся сказать правду, потому что вдруг, мол, рабочий скажет: «Да какой же это социализм, когда в Америке рабочий получает значительно больше, чем в нашей госпромышленности». Некоторые боятся сказать рабочему,—а этого не нужно бояться сказать,—что у нас социализм—еще нищенский социализм. У нас государственный аппарат часто работает в 10 раз хуже, чем буржуазный, однако, мы не предполагаем сдать свои позиции буржуазии, и не называем его капиталистическим. Наша промышленность гораздо более нищенская, чем капиталистическая, и *мы ее врагу без смертельного боя не сдадим.* Это все знают, знают, что у нас руль повернут в такую сторону, которая, в конце-концов, обеспечит и гораздо более богатую жизнь, так как социализм более совершенный способ производства.

Капитализм стоит на закате своих дней, он взрослый, и даже старец, а у нас только зародыш социализма. Подрастет наше дитя и покажет крепкие кулаки. Вот как мы должны об'яснять положение вещей отсталым рабочим.

А если мы ему этого не об'ясним, мы его не воспитываем, а разлагаем и подрываем его веру в возможность постройки социализма, подрываем его веру и в советскую власть потому, что если наша главная опора есть наша промышленность и если наша промышленность—не социалистическая, то тогда, значит, мы выражаем веления капитализма и опираемся на капиталистические отношения. Где же наши надежды? Так нельзя.

Вот, товарищи, как стоит вопрос о госпромышленности.

VII. Хозяйство в целом и борьба за крестьянство

Из этого вовсе не вытекает, что все наше хозяйство в целом является социалистическим по своему типу. Я уже говорил, что сторонники новой оппозиции упрекают нас в том, что, по нашему мнению, будто бы «куда ни плюнь—всюду социализм». Это неправильно. Никто такого вздора не защищал. Одно дело—вопрос о нашей *госпромышленности*, а другое дело—вопрос о *всем* нашем хозяйстве в целом. Если сюда, в один горшок, мы, бросив все наши предприятия, и частные предприятия, и крестьянское хозяйство, то что у нас тогда будет и как назвать весь этот строй в целом? Тов. Крупская, например, считает, что это нужно назвать капитализмом, который мы держим на цепи. Ибо она говорит, что нэп—это есть капитализм, а раз Россия нэповская,—это еще и Ленин говорил, что Россия нэповская,—а нэп есть капитализм, значит, Россия—капиталистическая и весь наш строй капиталистический. Тут уверток быть не может. Мы не согласны, однако, с тем, чтобы все наше хозяйство в целом называть капита-

листическим, хотя бы и на цепи. Наше хозяйство есть хозяйство переходного типа, где имеются различные моменты. Пять укладов назвал Ленин: патриархально-родовое хозяйство, мелкобуржуазное, частно-капиталистическое, государственно-капиталистическое, социалистическое. В 1920—21 г. соотношение между этими частями было *одно*, а теперь— *другое*. Раньше наша социалистическая промышленность занимала *маленькое* место в этой общей системе, она не только не вела вперед все хозяйство, не только не была ведущей головкой этого хозяйства, а наоборот, разорявшаяся деревня сама еще больше разоряла нашу промышленность. В чем это выражалось? Мы проедали основной капитал промышленности, рабочие разбазаривали разные медные втулки и тащили то, что можно было взять на фабрике, а затем и то, что можно было взять из дома,—подушку, табуретку, граммофон, зеркало, осколок зеркала; и все это уплывало и шло за мешок картофеля или за кусок хлеба. Все это было, и соотношения между различными укладами нашего хозяйства были такие, что наша промышленность хирела, сдавала одну позицию за другой, шла назад и была доведена почти до микроскопического кусочка; и наше социалистическое хозяйство было, действительно, маленькой соринкой в общем нашем хозяйстве, незначительной по своему экономическому значению величиной. Мы держались на старых запасах, на них ехали и их проедали. А теперь—какое соотношение между различными частями нашего хозяйства? По-моему — другое, и всякий скажет, что другое. Процесс движения нашей промышленности не заключается теперь в том, что мы эту промышленность все больше и больше разбазариваем.

Наоборот, она становится все более и более руководящей силой во всем народном хозяйстве. Соотношение между различными частями и различными экономическими укладами

теперь другое. Удельный вес нашей промышленности крайне возрос. Я не буду приводить вам цифры Госплана, с которыми вы все знакомы; ведь рост нашей промышленности ощущает на себе решительно каждый рабочий. У нас два главных, крупных хозяйственных круга. *Социалистическая промышленность*—это раз, и мелкобуржуазное *крестьянское хозяйство*—два. В первую очередь—*простое товарное хозяйство.* Я должен обратить ваше внимание вот на какой пункт: очень часто считают, что то, что не социалистично—капиталистично. А вот я вас спрошу следующее: крестьянское хозяйство в его *основной* массе—капиталистическая величина или нет? Многие считают, что капиталистическая. А на самом деле, это не так. Все марксисты — и Маркс, и Энгельс, и Ленин—отлично понимали, что нужно *различать* между *простым* товарным хозяйством, т.-е. таким хозяйством, которое торгует, но *не* эксплоатирует наемного труда, и *капиталистическим* хозяйством, которое «работает» для прибыли и основано на наемном труде. Если говорить о классах, то простому товарному хозяйству соответствует мелкая и мельчайшая буржуазия, капиталистическому—буржуазия, как основной класс капитализма *). Это две вещи различные, и нужно, в конце-концов, когда-нибудь усвоить эту элементарную истину. Нужно, конечно, помнить, что при свободной торговле в простом товарном хозяйстве постоянно имеется тенденция *рождения капиталистических отношений,* и что, часть простого товарного хозяйства, когда оно растет, и не только обзаводится новыми орудиями и материалами, но и *нанимает работников,* становится капиталистической. Зна-

*) Этого не понимает тов. Каменев, когда в своей речи на с'езде обвиняет «Правду» в том, что она якобы не считает крестьянское хозяйство мелкобуржуазным. Слово **мелко** тов. Каменев прибавил **сам от себя.**

чит, на основе свободной торговли простое товарное хозяйство, крестьянское хозяйство, и в первую очередь середняцкое крестьянское хозяйство, *имеет тенденцию превращаться в капиталистическое хозяйство*, выделять маленьких капиталистов-кулаков и т. д. Но вот какой вопрос чрезвычайной важности стоит перед нами, с которыми нужно подойти ко всей крестьянской проблеме, потому что одно связано с другим: скажите, пожалуйста, *обязательно ли в условиях пролетарской диктатуры* простое товарное хозяйство при его развитии превращается в капиталистическое или нет? Вот как нужно поставить вопрос. Обязательно ли вся масса простых товаропроизводителей, вся масса середняцкого крестьянства, которая торгует, но не эксплоатирует наемного труда, обязательно ли вся эта масса превратится частью в пролетариат, а частью в кулака или это при наших условиях *не* обязательно? Вот как стоит один из основных и коренных вопросов экономики для теперешнего времени. Товарищи, которые все время глядят назад и ленятся немножко сообразить, что делается теперь и какие перемены произошли за последние годы, не верят, что могут быть какие-то другие пути развития, кроме капиталистических. Раз свободная торговля, значит—капитализм, и только. Неоднократно и т. Зиновьев и другие повторяли, что свободная торговля это есть капитализм, а это в непосредственном смысле слова вовсе неверно, но, несомненно, что при свободной торговле капитализм постоянно *рождается;* вот это верно. Но из этого не следует, что свободная торговля есть тем самым капитализм. Я приводил на с'езде и здесь повторю ряд примеров. Если одно наше «последовательно-социалистическое предприятие» покупает у другого машины на основе свободы торговли, есть ли это капитализм?—Нет, это не есть капитализм, а это есть своеобразная и оригинальная товарная форма отношений между социалистическими предприя-

тиями. Об этом тоже не было ни в какой книжке написано, но это так. Если крестьянин, не прибегающий к наемному труду, покупает что-нибудь у нашей госпромышленности, на основе свободной торговли, есть ли это тем самым капитализм?—Нет, это еще не есть капитализм. Если же на основе свободной торговли один наживается, а другой разоряется, и если тот, кто наживается, начинает нанимать работников, то это уже есть капитализм. Вопрос, следовательно, более сложен и труден, чем обычно думают.

Мне кажется, что основная проблема экономической политики стоит сейчас так: мы говорим, что мы *боремся за крестьянство.* А что это значит *экономически?* Это значит, что мы *при посредстве нашей госпромышленности кладем всю свою энергию на то, чтобы основную массу простых товаропроизводителей повести не по капиталистическому пути, а, минуя капиталистический путь, к социализму.* Кулак борется за середняка, чтобы пустить этого середняка обязательно по капиталистическому пути, а мы боремся за то, чтобы середняка отвоевать у кулака и дать ему возможность развиваться, минуя капиталистический путь. Вот как сейчас стоит вопрос. При капитализме, при диктатуре буржуазии это было абсолютно *невозможно*, потому что вся система отношений, начиная от законодательства, главных командных экономических высот и т. д., находилась в руках у буржуазии, которая была заинтересована в развитии капиталистических отношений, и только их. А вся *наша* промышленность, хозяйственные госорганы, законодательство и проч. в борьбе с кулаком имеют своей главной целью отвоевать середняка, дав ему возможность, поскольку у нас хватит на это силенок, развиваться не по обычному капиталистическому пути, а минуя этот капиталистический путь. Знаете, не вредно вспомнить, что Ленин писал про целые *страны.* Он говорил про колониальные страны, что они при помощи рабо-

чего класса победивших стран и при поддержке этого класса могут переходить к социалистическому развитию, *минуя капиталистический путь*. Писал он это?—Писал. И даже в тезисах формулировал. Так вот такой «страной» является наше крестьянство по отношению к нашей госпромышленности. Наши усилия, наши средства, нашу волю, нашу энергию мы должны направлять так, нашу политику мы должны вести таким образом, чтобы при помощи госпромышленности, через кооперацию, стаскивать середняка с капиталистического пути, отрывать его от кулака разными способами: путем его кооперирования, путем машинных товариществ, путем электрификации и т. д. Вот наша задача. В этом социальный смысл борьбы за середняка. Наша задача заключается в том, чтобы по этой линии вести *ожесточенную классовую борьбу с кулаком,* чтобы простого товаропроизводителя свернуть с капиталистического пути развития на путь социалистический. Вот, товарищи, *основная расстановка классов.* Пролетариат есть класс, который является носителем особой хозяйственной формы, а именно социалистической формы предприятий: сюда относятся госпромышленность и все командные высоты. Наш главнейший контрагент—крестьянство, в первую очередь—середняцкое крестьянство, как союзник, беднота,—как опора. Наш главный противник в городе—частный капиталист, находящийся в смычке с кулаком. Мы, пролетарии, ведем борьбу с кулаком и буржуа за главную и основную массу крестьянства, за крестьянина-середняка, опираясь на бедноту, мы ведем эту борьбу своей промышленностью через кооперативную смычку. Буржуа ведет ее своими частными предприятиями и хочет победить нас более дешевым товаром, более дешевым кредитом и проч.; а мы, имея эти экономические козыри в руках, идем в поход против него. Вот основная расстановка классов и основные формы классовой борьбы в теперешний момент.

Нужно постоянно иметь в виду, что борьба за середняка, есть именно борьба за возможность его развития на капиталистических рельсах, хотя и при помощи свободной торговли. Вот этот сложный переплет нам нужно иметь в виду. Это— основа нашей политики.

VIII. Наша крестьянская политика

Отсюда я уже перехожу более подробно к вопросу о *крестьянстве*, и здесь, следовательно, буду больше повторяться, буду говорить то, что многие из вас слышали в других речах.

У нас сейчас можно сделать ошибку по *двум направлениям:* либо не заметить *растущего кулака*, либо *не понять запросов середняка*, и недооценить этого середняка. Нас обвиняют в том, что мы, якобы, не заметили кулацкой опасности. Мы обвиняем товарищей из оппозиции в том, что они не понимают всей важности вопросов о середняке. Все мы, однако, согласны в том, что были отдельные случаи, когда люди действительно, преуменьшали опасность кулака. Когда мы обсуждаем принципиальные вопросы нашей политики, нам, прежде всего, нужно видеть *основное*, самое большое, самое решающее. Если мы сделаем ошибку во второстепенном вопросе, то это не так страшно. Но если мы упустим какую-нибудь махину, тогда нам плохо будет, мы наделаем таких ошибок, которых не в состоянии будем исправить. И вот, товарищи, если мы поставим вопрос о нашей крестьянской политике и спросим, кто здесь эта самая главная махина, мы отвечаем: *середняк*. Ленин неоднократно давал такие, например, формулировки, что *вся наша экономика должна быть приспособлена к середняцкому хозяйству*. Почему середняк вылезает на первый план, почему как раз *он?* Вот именно потому, что он «махина». Некоторые товарищи лезут в старые книжки, очень хорошие, и находят, что у нас столько-то батраков,

столько-то бедноты, столько-то кулаков и проч. Но эта статистика сейчас уже непригодна.

Середняк потому у нас играет такую огромную роль, что он вовсе не с неба свалился; это есть наследие нашей великой аграрной революции. Разве можно позабыть, что почти вся помещичья земля—82 проц.—пошла фактически в уравнительный передел крестьянству. Верно это? Верно. У нас был процесс раскулачивания, мы кулака крошили на все корки, разверстывали его инвентарь, скотину и землю. Это было,—все это знают. Два процесса—распомещичивание» и «раскулачивание»—привели к *осередняченнию деревни*. Процесс дифференциации задерживается сейчас чем-нибудь? Задерживается. Чем? Двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что земля из'ята из торгового оборота. Если бы она не была из'ята, то путем купли-продажи она очень быстро перешла бы в руки более богатых крестьян. Но у нас *нет* купли и продажи земли. Это уже есть громадное препятствие для расслоения деревни.

Наше законодательство поддерживает не верхушечные слои, а моломощные и середняцкие. Это тоже довольно значительный фактор. В результате упомянутых процессов и нашей политики у нас деревня, в основе своей, и теперь *середняцкая* деревня. В основе своей середняки составляют большинство населения деревни, середняцкие хозяйства составляют самую крупную хозяйственную величину в общей экономике нашего земледельческого хозяйства. Поэтому, когда мы смотрим на деревню, и когда мы выдвигаем здесь перед собой самую центральную задачу, самую главную задачу, то совершенно естественно, что самая центральная задача,—без постоянного решения которой мы существовать не можем, состоит в том, чтобы понять необходимость *прочного союза с середняком*. Если некоторые товарищи из оппозиции, в особенности такие визгливые, как Вардин, пишут о «середняц-

ком большевизме», вспоминают Марию Спиридонову и т. п., то это верх непонимания нашей политики.

Очень часто вспоминают, что у нас было раньше, во время военного коммунизма. Во время военного коммунизма мы всю торговлю на-круг запрещали и боролись против всякого, кто нарушал это запрещение, как против спекулянта, барышника, негодяя и т. д. Мы это делали, это было тогда необходимо,—это было время *гражданской войны*.

Но вспомните, что писал Ленин, когда мы стали переходить к новой экономической политике. Теперь,—говорил он,—уже нельзя считать за спекуляцию всякую торговлю,—мы сами разрешаем торговать и сами торгуем. И вот, когда теперь говорят: крестьянин-середняк—это спекулянт, потому что он продает хлеб,—попадают пальцем в небо, ибо мы сами поощряет эту торговлю, и наша политика заключается не в том, чтобы ругать крестьянина-середняка за то, что он торгует, а в том, чтобы, уцепившись за его торговые операции и интересы, ввести его в *кооперацию*, через кооперацию — к лучшей смычке с нашей *промышленностью* и, таким образом, вовлекать его незаметно для него самого в наше социалистическое строительство. Это будет немножко потруднее и посложнее, чем кричать о спекуляции. Но без этого мы абсолютно ничего не сделаем.

При капитализме середняк был такой величиной, которая с двух сторон «вымывалась», разжижалась. Часть вылезала в кулаки, часть спускалась в батраки. У нас этот процесс есть? Есть. Но так ли он силен, как при капитализме? Нет, не так. И при капитализме середняк был до известной степени устойчив, а при нашей власти он будет в несколько раз устойчивее. Почему? Да потому, что условия советской власти таковы. Мы боремся с кулаком, поддерживаем неимущих, налаживаем прочный союз с середняком, из'яли землю из това-

рооборота. Все это делает середняцкую массу *более* устойчивой. И поэтому проблема середняка у нас будет оставаться центральной и основной проблемой еще долгое время. Здесь я должен сказать следующее. Многие считают так: если вы кричите все о середняке и середняке и меньше кричите о кулацкой опасности, то вы *криво* ставите всю политику, *не в тот пункт бьете, в какой нужно.* А мы на это говорим: мы кулацкой опасности не отрицаем. Но ежели вы недостаточно обращаете внимания на середняка, то *тем самым вы больше всего помогаете кулаку, ибо нет лучшего средства помочь кулаку на деле, как упустить середняка из-под пролетарского влияния.* Я считаю этот пункт чрезвычайно важным, если не центральным, во всей дискуссии о соотношении между середняком, кулаком и беднотой. Не всякий, кто говорит: «господи, господи»,—входит в царство небесное. И не всякий, кто кричит: «кулак, кулак», забывая середняка,—хорошо борется с кулаком. Очень часто он бьет *не по коню,* а *по оглобле.*

Чем силен кулак? Он силен не только тем, что эксплоатирует бедняка, но и тем, что держит в зависимости, как экономической, так и политической и *середняка.* Если кулак изолирован, разве он представляет собой крупную опасность для нас? Никакой крупной опасности он не представляет. Его основная опасность заключается именно в том, что он тысячею ниток может держать в своих руках *середняка экономически,* а на этой основе и *политически.* Кулаков—небольшая группа. А кое-где они проходят и в советы. Почему? Потому, что их проводят *середняки.* А почему проводят? Потому, что кулак к середняку иногда ближе хозяйственно, ибо он часто лучше торгует, чем наша кооперация. Если нам возражают: вы слишком много говорите о середняке и мало кричите о кулацкой опасности, то таких оппонентов можно назвать

чудаками: в самом деле, как же бороться с кулаком, если не отвоевать у него *середняка?* Это—*главное.* Нет более главных средств борьбы с кулаком.

Если мы будем сейчас подтравливать немножко середняка, как спекулянта, не понимая, что к чему, мы окажем этим услугу кулаку. Если мы не будем почаще вспоминать в наших докладах и речах середняка, то толкнем его к *кулаку.* Если мы недостаточно серьезно отнесемся на деле, в наших хозмероприятиях, к середняку, мы толкаем его к кулаку. Если не наладим середняцкой кооперации, середняк будет видеть, что кооперация торгует паршиво, а кулак хорошо, мы опять-таки толкнем его к *кулаку.* Если мы будем плохо работать в советах, мы толкнем его к *кулаку.* И т. д. Он, кулак, голосами середняков будет проходить в советы и тогда будет, действительно, опасен.

Итак: можно ли ставить вопрос о кулаке *вне связи* с вопросом о середняке? Это будет неправильная, вздорная постановка вопроса. Главное средство борьбы с кулаком, *это есть отрыв середняка от кулака.*

Но борьба за середняка в деревне может вестись пролетариатом наиболее успешно лишь в том случае, если в деревне рабочий класс будет иметь *твердую опору* и поддержку своей политики *в кругах батрачества и деревенской бедноты вообще.* Помощь деревенской бедноте—экономическая, хозяйственная, «профессиональная» (защита интересов батрачества), политическая—есть, разумеется, всенепременнейшая обязанность нашей партии.

Перехожу теперь к решениям XIV конференции. Вы знаете, откуда на партийном с'езде были разногласия: тов. Каменева, а раньше Зиновьев в своей книжке «Ленинизм» выставили тезис: решения XIV партийной конференции суть решения, которые идут по линии *уступок «именно капиталистическим элементам деревни».* Значит, основной поворот был

проделан нашей партией еще на XIV конференции, которая сделала, по мнению оппозиции, уступки *именно кулаку*. Люди так напугались кулака, что всюду видят только кулака. Мы не так смотрим на этот вопрос и считаем, что нельзя так расценивать партийные решения. Правда ли, что эти решения были уступкой «именно капиталистическим элементам»? *Неправда.* Что было перед XIV партийной конференцией? Перед XIV партийной конференцией в деревне в некоторых местах наблюдалось недовольство всех слоев нами и нашими хорошими законами. Я вам приведу примеры насчет аренды и найма рабочей силы. У нас были очень строгие законы насчет аренды и насчет найма рабочей силы. Многие из людей, которые никогда не были в деревне и мало занимались деревней, слышали про аренду. Раньше аренда была такая: у помещика крестьянин снимал землю, платил ему вздутую плату, так называемую «голодную аренду». И вот представление об этой аренде все еще живет в головах некоторых людей, которые представляют себе дело так, что и сейчас в деревне происходит то же.

А между тем, кто *сейчас* арендует землю? У нас имеется зачастую такое положение. Арендует землю *более* зажиточный у *менее* зажиточного, у бедняка. Человек имеет определенное количество земли, положенное ему по норме, но инвентаря у него нет, лошади нет, обработать он не может. Кулацкие элементы желают получить землю у бедняка в аренду, но аренда запрещена. Отсюда получалось то, что бедняк, который хотел заработать под риском нарушить наш закон, сдавал все же землю в аренду, а кулак, пользуясь этим, платил ему *дешевле,* чем платил бы в том случае, если бы это было разрешено и совершалось открыто. По несколько гривенников платил за десятину,—и сходило.

Выгодно ли нам это было? Для того ли мы национализировали землю, чтобы потом за *бесценок* бедняк сдавал ее

в пользование кулаку? Не лучше ли было бы легализовать эту аренду и следить, чтобы не было кабальных сделок? Так стоял вопрос.

Наем рабочей силы был еще более строго запрещен. И этот вопрос был по-другому поставлен на XIV партийной конференции. До нее выходило по закону так, что мы запрещаем свирепым образом наемный рабочий труд, но мы забыли, что в деревне колоссальное количество избыточного населения не может приложить рабочих рук к земле. Мы говорили и декретец хороший написали об этом: наемный труд запрещен, мы ограждаем тебя от эксплоатации.

А бедняк,—он думал так: ежели вы мне никакого куска хлеба дать не можете, то я желаю заработать его хотя бы у самого распросволочного кулака. Но так как этот распросволочной кулак знал, что ему запрещено нанимать рабочую силу, и бедняк это знал и все-таки хотел и шел наниматься, то кулак использовал это и говорил: я и платил меньше. А так как эта сделка найма была не открытой, то выходило, что интересы батрака не защищались никакими профсоюзами. Вот что получалось. Значит, у нас был недоволен не только кулак, у нас была недовольна и беднота, которой запрещали наниматься и сдавать землю, но у нас был недоволен и середняк. Почему был недоволен середняк? Потому, что середняк тяготеет, с одной стороны, к зажиточному, а с другой — тяготеет к пролетарию. Но дело, конечно, не только в этом. Рост сельского хозяйства вообще и рост середняцких хозяйств (а это есть, как мы знаем, основная масса хозяйств) сопровождался и сопровождается ростом *товарности* середняцкого хозяйства. Середняк начинает быть заинтересованным в раздвижении рамок товарооборота. Он сам больше торгует, больше продает и больше хочет купить. Остатки прежней системы военного коммунизма, всякая боязнь торговли, чрезмерное

административное усердие ему уже становятся поперек горла. Все, что стесняет товарооборот, больно ударяет по растущему хозяйству середняка. Поэтому он решительно против остатков военного коммунизма в деревне.

Все это имеет свою другую сторону. А именно: упорядочение хозяйства, его под'ем,—и середняцкого хозяйства в первую очередь,—требует более точного расчета. Для этого необходима правильность в мероприятиях власти, *революционная законность.* Или другой вопрос—под'ем хозяйств середняка вызывает тягу к кооперации. Но она не может развиваться по-настоящему, если не будут уничтожены порядки прежнего времени, если не будет осуществлена добровольность, выборность, подотчетность выбранных и так далее. Отсюда ряд мероприятий, идущих по линии оживления кооперации и советов, по линии революционной законности и проч. Все эти мероприятия решенные на XIV конференции, шли, прежде всего, навстречу *середняку.*

Итак, мы на XIV партконференции сказали: вот что, дорогие друзья, нам теперь важна не бумажка, не бумажный декретец, нам важно дело. Мы видим, что наши запретительные меры обернулись плохой стороной не только по отношению к кулаку—это для нас не беда,—но и по отношению к бедноте, к маломощным середнякам. Мы хотим защитить батрака, мы желаем защитить бедноту, а на деле выходит, что мы им мешаем. Мы говорим: давайте лучше сделаем здесь на-чистоту, по-другому. Мы разрешаем арендные соотношения, но зато будем бороться против об'егоривания бедняка. Мы дозволяем более широкое использование наемного труда, но в то же время мы принимаем все меры, чтобы через профсоюзы и через наши советские организации защитить этого наемного рабочего перед эксплоататором, организовать его, сплотить его, как классовую силу.

Само собою разумеется, что от снятия некоторых препон выиграл и кулак, это верно. А разве от новой экономической политики не выиграли буржуазные элементы? Выиграли. Разве мы этого заранее не учитывали? И разве мы новую экономическую политику ради этой буржуазии вводили? Что же, новая экономическая политики вся в целом была уступкой «именно капиталистам»? Это же вздор на постном масле! Новая экономическая политика была уступкой, в первую очередь, мелким товаропроизводителям и деревне, *крестьянам*. Она была в то же время стратегическим маневром, о котором я говорил: отступлением, перестройкой рядов и *наступлением* совершенно новыми способами, единственно правильными, единственно возможными для удержания союза с середняком. Ведь никто же не говорил, когда мы вводили нэп, кроме наших злостных противников, что нэп—это уступка *капиталистам*. Только самые злостные наши противники говорили: «Коммунизм крахнул, от коммунизма ни черта не осталось. повсюду капитализм, большевики пошли на поклон к капиталистам, сделали уступку капиталистам, перестали быть социалистами». Разве не так наши враги говорили? А мы разве поддались на эту ерунду, которая хотела посеять в наших рядах панику? Нет. Отступили мы от новой экономической политики? Нет. Мы по этим рельсам пошли, набили не один десяток морд нашим противникам, другой, третий, четвертый и еще продолжаем бить и будем продолжать. И сейчас мы уничтожаем остатки военного коммунизма в деревне при таких условиях, когда у нас имеются мощные *командные высоты*. Мы теперь не тешим себя пустыми бумажками, финтифлюшками. Для нас важна их, прежде всего, реальная действительность. Мы говорим: мы развиваем товарооборот, этот товарооборот принесет гораздо большие выгоды, оборот ускорится вообще, ускорится оборот и нашей

соцпромышленности, она будет быстрее расти; у нас будет больше денег в нашей государственной казне; мы сможем собирать больше налогов. Мы *на деле* сможем помогать бедноте и середняку. Мы не говорим сейчас: снимай штаны с каждого кулака, снимай каждую железную крышу; но мы говорим бедноте: организуйтесь сами, организуйте вокруг себя середняков, учитесь не иждивенческими собесовскими методами бороться против кулака, приучитесь стоять на своих ногах, приучитесь организованным путем ставить свое хозяйство, а *мы, государство, партия, вам поможем.* Научитесь перестраиваться в классовую силу не по-комбедовски, а перестраиваться сообразно с новыми условиями. Идите в кооперацию, бейте кулака на хозяйственных рельсах, жмите его кооперацией, политическим и экономическим фронтом, идите в атаку против кулака.

Сторонники новой оппозиции говорят, что XIV партконференция есть уступка кулакам. Вы видите, что это совсем не так. Здесь перестройка рядов основной массы крестьянства, середняков и бедноты, которую использует на первых порах и кулак. Мы этого не отрицаем. Но не ради прекрасных глаз кулака мы эту штуку затеяли, как не ради прекрасных глаз капиталистов затеяли мы всю новую экономическую политику.

Теперь я вас спрошу: связан ли взгляд на решения XIV партконференции как на уступку кулаку с постановкою оппозицией других вопросов, о которых я здесь говорил? Конечно, связан. Потому что, если нэп есть отступление и только, то и развитие нэпа в деревне есть продолжение этого отступления, а отступать, значит, делать уступки классовому противнику. А классовый противник есть кулак, капиталист. Все рассуждения оппозиции идут по одной линии: и взгляд относительно возможности или невозможно-

сти строительства социализма в одной стране, и взгляды на нэп, и сомнения относительно типа нашей госпромышленности, и трактовка решений нашей XIV партконференции,— все это идет по *одной* линии. Само собою разумеется, что если главным способом борьбы с кулачеством и главной нашей задачей является прочный союз с середняцкой частью крестьянства, то это вовсе не исключает, а предполагает организацию бедноты. Без этой главнейшей нашей опоры в деревне мы ничего поделать не можем. Она—наша надежнейшая опора, мы на этом всегда и стояли и стоим. Мы всегда бедняку помогали и будем помогать, а потому совершенно глупо рассматривать решения нашего октябрьского пленума, как что-то такое, что исправляет XIV конференцию. Мы об этом не раз говорили. Это лишь дополнение к решениям XIV партконференции.

Мы главную борьбу с кулаком видим, в первую очередь, на фронте отрыва середняка от кулака, потому что это более трудная задача. Но нашей *опорой* в деревне является беднота. Мы имеем часто большое количество кабальных сделок между кулаком и бедняком. Иногда даже не в форме наемного труда. Бывает так, что кулак, хотя и не пользуется наемным трудом, но в то же время в косвенных формах является эксплоататором не последней марки. Возьмем самый простой пример. Предположим, кулак имеет молотилку, он ее за большую плату сдает на прокат и наживает на этом крупную сумму, или ссужает семенами за большие проценты. Масса есть таких форм эксплоатации. От них страдает и бедняк, и середняк. Но, товарищи, для того, чтобы бороться с кулаком, нужно суметь отвоевать от него в первую очередь середняка, имея опорой бедноту. Союз с середняком дает ему силу,

Мы сейчас должны ясно видеть установку нашей политики в деревне. Опорой нашей является беднота, включая батрака. Это самый верный проводник нашего влияния. Наш союзник, которого мы можем завоевать при помощи этой бедноты, есть середняк. Наш враг—кулак. Вот те три сосны, в которых многие любят «блудить», те три сосны, из которых многие никак не могут вылезти. Отрывать одну задачу от другой нельзя. Нельзя ставить раздельно задачи по отношению к бедноте и задачи по отношению к середняку. Бедноте не справиться одной с кулаком, но и середняку не справиться с ним одному без бедноты. Нельзя отрывать задачи борьбы с кулаком от вопроса привлечения середняка на свою сторону. Это есть разница формы одного и того же вопроса нашей классовой пролетарской политики в деревне. Так стоит вопрос относительно крестьянства. Этим решается и вопрос об уклонах. С'езд осудил оба уклона: и тот, который не видит кулацкой опасности, и тот, который не видит всей важности *смычки с середняком*. Партия обязана давать отпор эксплоататорским посягательствам кулака; партия должна особенно зорко следить за тем, чтобы не был сорван «прочный союз» с середняком. Только через этот союз, при опоре на бедноту, мы можем осуществить изоляцию—хозяйственную и политическую—кулачества.

IX. Другие вопросы дискуссии

Теперь, товарищи, я должен сказать пару слов относительно вопросов, стоящих особняком и выдвинутых товарищами из оппозиции. Первый вопрос—это очень большой, это вопрос о равенстве. Этот лозунг о равенстве, как вы знаете из речей на с'езде, выставил т. Зиновьев. Тут обычно говорят: что же, разве вы против равенства? Неужели ком-

мунистическая партия дошла «до жизни такой», что она *«против равенства»?*

Если бы действительно мы ставили вопрос так, что наша партия против равенства, тогда нужно было бы нас железным помелом вымести из пределов Советского Союза и повесить где-нибудь около вонючей выгребной ямы. Но не так стоит вопрос. Мы, конечно, за равенство. Когда мы говорим, что наша задача заключается в строительстве социализма, что это означает? Это означает борьбу за равенство, потому что социализм есть экономическое равенство. Мы только считаем, что гораздо лучше ставить вопрос точно, а не «вообще». Мы к этому социалистическому равенству постепенно идем, ибо идем к социализму. Вся задача нашей партии—в том, чтобы это равенство осуществить. Если мы социализм построим, то это значит, что мы равенство осуществим, а если мы дело социализма напакостим, то мы *об'ективно* будем итти *против* этого равенства. Вот как нужно ставить вопрос. Мы против того, чтобы этот лозунг выставлять в качестве немедленного лозунга вот теперь, в эти дни, потому что, выдвигая этот лозунг, как очередной, вы идете в разрез с задачей действительного достижения равенства. Если мы будем болтать о равенстве на всех перекрестках—и только, то в конце-концов, что от этого получится?

Давайте скажем честно, что теперь одна из наших крупнейших болячек, — это известные трения между рабочим классом и крестьянством. Что говорят и в особенности что говорили до XIV конференции товарищи, приезжающие из деревни? Выступает крестьянин и говорит рабочему: «Ты управляешь, а я нет, ты санаторий имеешь, соцстрах имеешь, а я нет, твои сыновья учатся в школе, а мои нет, ты имеешь одно избирательное право, а я—другое».

Можно ли теперь же сразу сравнять крестьянина с рабочим? Есть ли у нас это равенство? Нет, этого равенства у нас и при теперешнем положении еще быть не может. Мы отлично знаем, что рабочий класс у нас в известном привилегированном положении по сравнению с крестьянством. Об этом у нас и в программе написано, там мы говорим, для чего это нужно. Мы говорим крестьянам: хочешь достигнуть полного равенства, тогда нужно итти к социализму; его можно достигнуть только через диктатуру пролетариата; если ты эту диктатуру не будешь укреплять, а, наоборот, потеряешь ее, то ты ничего не получишь, кроме возвращения к старым капиталистическим отношениям. Сейчас эта диктатура изрядно окрепла, но не настолько еще, чтобы мы могли дать всеобщее избирательное право, она не настолько окрепла, чтобы мы могли отменить все привилегии для рабочего класса. Рабочий класс у нас находится в лучшем положении. Это верно. Это юридически закреплено и в нашей конституции. У нас нет равенства подачи голосов, и мы считаем это правильным. Через определенное число лет, по всей вероятности, мы это отменим, но сейчас мы считаем такую меру преждевременной. Если наши противники натравливают крестьян по линии *зависти* крестьянства к рабочему классу, то тем самым они стремятся выдать вексель крестьянину против рабочего. И если оппозиция кричит, что мы будто бы обнаружили крестьянский уклон, даже чуть ли не кулацкий, то лозунгом равенства она дает вексель, по которому уплатить не сможет, если не захочет итти на уничтожение пролетарской диктатуры. Верно это или нет? Конечно, верно.

Далее, мы имеем среди городских жителей слои буржуазные и полубуржуазные, и если вы выкините лозунг равенства, то тем самым вы даете этим элементам тоже

вексель, в силу которого могут претендовать на избирательное право и частники-охотнорядцы. Да на что же это будет похоже? *Через этот лозунг стучится к нам буржуазная демократия.* На это мы пойти не можем. Это по *одной* линии. А по *другой* линии,—мы имеем совершенно другое. Если бы мы были безответственными демагогами, мы могли бы выдвигать этот лозунг.

Представьте себе такое положение: у нас сейчас имеется целый ряд разрядов оплаты труда. Спецы получают много больше, чем квалифицированные рабочие, а квалифицированные рабочие получают значительно больше, чем неквалифицированные рабочие. Можем ли мы *сейчас* уравнять полностью и целиком все эти слои? Я не говорю о том, что кое-где мы должны сглаживать разницу, должны злоупотребления исправлять. Но в полной мере произвести сейчас полное уравнение невозможно. Конечно, квалифицированный рабочий, пожалуй, скажет, что его можно уравнять со спецом; но если вы предложите уравнять его с неквалифицированным, то он вам скажет: «подожди». Тут нужен простой *расчет:* можем ли мы сейчас оплатить всех по равной ставке? Нет, не можем. Можем ли мы осуществить здесь полное равенство? Нет. Но отсталые рабочие могут ухватиться за этот лозунг, потому что, действительно, их положение очень тяжелое. Они хотят заработать в 2—3 раза больше. Это естественно и это справедливо само по себе. Но если мы сейчас безответственно будем бросать этот лозунг, а *платить* будет нечем, то тем самым мы дадим *фальшивый* вексель. И поэтому лучше быть немножко поосторожней, не бросаться, не швыряться лозунгами, не давать фальшивых векселей, потому что самое опасное для политической партии, стоящей у власти, когда она не выполняет своих обещаний, когда она, попросту сказать, обманывает. Имейте

в виду, что за нами сейчас глаз более зоркий, чем в 1918 г. Когда в 1918 г. мы давали обещания насчет хлеба, что вот, мол, придет поезд, привезет хлеб и т. д., потом этот поезд не по нашей злой воле, а в силу ряда условий не приходил, то тут не так страшно было, потому что все чорт знает, в каком положении находились. А теперь потребности возросли,—и это явление здоровое. Теперь публика более придирчива стала. Поэтому, если вы что-либо обещаете, то извольте выполнять, нельзя швыряться обещаниями, которых вы не в состоянии выполнить.

Когда затрагивается вопрос о безлошадных и выдвигается лозунг «лошадь каждому безлошадному» теперь же, тут нужно, прежде всего, *подсчитать*, сколько это будет стоить, можем ли это сейчас осуществить. Что же, можно, пожалуй, выдвинуть лозунг «лошадь каждому безлошадному», тогда скажут, что он вот за бедноту, что он, мол, «добрый барин» и т. д. А вот подсчитайте, сколько у нас безлошадных, сколько стоит одна лошадь, помножьте ее стоимость на количество безлошадных,—что у вас получится? Откуда это нам сейчас взять? Вот таким деловым образом нужно ставить вопрос, если не говорить впустую. Конечно, когда говорят, что мы должны итти по линии снабжения инвентарем крестьянина, по линии того, чтобы давать лошадь каждому безлошадному, чтобы снабжать трактором, мы говорим, что мы будем делать все, что можем, в этом направлении, но мы не должны швыряться обещаниями, которых мы не в состоянии выполнить. Вот в чем дело, и вот в чем фальшь того лозунга, который выставляется сейчас. Он фальшив, потому что его используют буржуазные элементы против нас, во-первых; во-вторых, он фальшив потому, что мы даем им обещания беднейшим слоям

крестьянства и пролетариата, такие обещания, которые мы выполнить не сможем.

Я не буду останавливаться на других вопросах, — на вопросе о партийном разбухании, о саркисовском методе счета, о том, чтобы принять в партию 5 миллионов новых рабочих.

Хорошо сказал один пролетарий с завода «Динамо»: тогда, мол, партия превратится в *нашу;* и прибавил он: если вы, дорогие вожди, деретесь в партии, то что же будет, если бы разодрались 5 миллионов? Это, хотя и в грубой и корявой форме,—но совершенно правильное соображение. Потому что, если мы, выросшие на основе длительного партийного воспитания, понимания всего вреда фракционности, понимания всего вреда дискуссий, ведущихся открыто перед всей страной, если *мы* не можем удержаться, то что было бы, если бы распоясалась такая стихия, когда все руки и ноги заходили бы, независимо от рассудка? Получились бы неприятные вещи. Мы должны понимать разницу между *партией* и *классом.* Мы должны итти по такой линии, чтобы разница между ними стиралась, но мы должны знать в каждый данный момент *меру.*

Относительно беспартийных делегатских собраний вокруг комсомола в деревне я говорить не буду за неимением времени.

X. Разноречия у оппозиции

Я должен отметить, что я подчеркнул пункты, которые, на мой взгляд, более или менее *общи* всей оппозиции, если судить по общим выступлениям. Но нужно сказать, что если мы еще продолжим анализ дальше, то мы тогда легко обнаружим, что особливого единства в рядах этой оппозиции нет по целому ряду вопросов. Я возьму примером одну из главных, козырных их вещей... я думаю, впрочем, что вы изба-

вите меня от необходимости говорить насчет «обогащайтесь», потому что я об этом говорил столько раз, что у меня язык скоро отвалится. *(Аплодисменты).*

Я беру другой казус, который идет по той же линии. Одного из моих молодых товарищей, т. Слепкова, между прочим, обвиняли в том, что он вместо «*развитие* нэпа», сказал «*расширение* нэпа». За это он подвергся обстрелу и на районных конференциях в Ленинграде, и на губернской конференции в Леинграде, и на нашем партс'езде. Одним словом, не было партийного угла, на котором бы на него не наложили клейма за эту ошибку. Эта ошибка была использована опозицией, которая всюду ссылалась на нее и на всех перекрестках об этом кричала. Но вот я беру № 5 «Коммунистического Интернационала», который выходит под редакцией *тов. Зиновьева.* Там есть статья т. Мартынова, который живой сидит здесь, на собрании. Эта статья его тщательно редактировалась т. Зиновьевым, который наложил на эту статью свою визу, и вот, оказывается, что в этой статье тов. Мартынов говорит «о расширении нэпа». Можно сказать: тут человек не доглядел; Мартынов-де, бывший меньшевик, мог такую ересь загнуть, хотя мы знаем, что он сейчас в первых рядах нашей партии. Но вот я беру речь Надежды Константиновны. В ней она, между прочим, говорит: «Я не против, а *за расширение нэпа на деревню*». Надежда Константиновна говорит: «Я—*за* это», а все остальные, прицепившись к небольшой ошибке, кричат: «Ату, это новая школа, это кулацкий уклон». А виднейший представитель оппозиции, который выступал с известной претензией на стопроцентное истолкование ленинизма в качестве душеприказчика Ленина, взял и выложил «расширение нэпа» перед всем с'ездом и, на наше счастье, не вычеркнул это из стенограммы. Правда, это неправиль-

ное выражение,—все мы указывали на это. Слепков от него отказался. Но за это травили всех сторонников большинства ЦК. Слепкова за то, что он сказал; меня за то, что я, якобы, «покрыл» Слепкова, Сталина за то, что он, якобы, покрыл Слепкова в третьем этаже, и ЦК за то, что он, якобы, покрыл его в четвертом этаже. А затем, после этакой канонады, выходят с невинным видом на кафедру и говорят то же самое. Зиновьев и Каменев как будто бы за «сокращение нэпа». Надежда Константиновна же за «расширение нэпа». Левая, правая где сторона, трудно понять.

Затем берем вопрос относительно «левой» линии. Нас критикуют за то, что мы недостаточно выдвигаем пролетариат, что мы, якобы, недостаточно помогаем бедноте, что мы недооцениваем кулака. Берем товарища Сокольникова—и вдруг оказывается, что он предлагал наполовину денационализировать наши тресты, что он преисполнен скептицизма по отношению к внешней торговле, что он выступал против наших кооперативных организаций, что он отказывался провести конкретные мероприятия в смысле снятия налога с наиболее неимущих слоев деревни.

С одной стороны, говорят, что мы, якобы, не видим кулака, мало обслуживаем пролетариат, мало помогаем бедноте; а когда дело доходит до самого дела, то мы видим другие мотивы. Одно с другим абсолютно не связано. Тов. Зиновьев сам обнаруживает несогласие с самим собою,—доказательство величайшей стопроцентной монолитности. Он обвинял большинство ЦК, что мы-де, слишком большие уступки делаем по крестьянской линии, а с другой стороны, он говорил, что нужно перед крестьянином преклониться, уклониться и поклониться. С одной стороны, мы, якобы, не замечаем, как мелкобуржуазная стихия на нас налезает, а с другой стороны, тов. Зиновьев предлагает создавать бес-

партийные крестьянские фракции на местах и в центре. Если есть разногласия в пределах оппозиции в «отношениях между людьми», то и в пределах одного и того же товарища есть известные несогласия, что является лучшим завершением и лучшим показателем высшей монолитности.

XI. Партийная оппозиция, партийная политика и враги ВКП (б)

Теперь, товарищи, я должен сказать, почему эта оппозиция опасна, опаснее, чем была какая бы то ни было другая оппозиция. Это, прежде всего, потому, что здесь дала трещинку *ленинская гвардия*. Это немало, это очень много. И, во-вторых, потому, что новая оппозиция прибегает к страшно демагогическим лозунгам. Новые слои подходят. Очень легко пойти на такую удочку, чтобы говорить только одно приятное этим новым слоям, плохо оплачиваемым, страдающим от нужды, и проч. Равенство есть один из таких демагогических лозунгов. Участие в прибылях есть также демагогический лозунг. Когда говорят, что в нашей армии красные командиры—«золотопогонники», то это — демагогический лозунг худшей марки; когда утверждают, что наши хозяйственники почти-что эксплоататоры—это тоже демагогический лозунг.

Ведь, если все это выстроить в одну линию, то получается довольно-таки страшноватая вещь, потому что, если наша промышленность госкапиталистическая, в нашей армии золотопогонники, наши хозяйственники—эксплоататоры, нэп есть только отступление, то ведь это в действительности отступление от коммунизма. И это может быть с радостью подхвачено всеми нашими противниками. Если еще при этом вы будете говорить: партия виновата в том, что вы мало получаете, в том, что у нас нет равенства,

в том, что у безлошадных нет лошадей, тогда, естественно, вы обопретесь на те отсталые элементы рабочих, которые плохо оплачиваются, которых нужно еще воспитывать, и которых, к сожалению, не так-то легко перевести сразу на хорошую оплату. Но от этого не поздоровится делу социалистического строительства.

Мне кажется, что эта новая оппозиция отражает трудности строительства. Она отражает настроения некоторых хвостистских элементов рабочего класса, новых слоев, которые еще не прошли организационной школы, которые не понимают всей *сложности* вопроса, которые требуют немедленного удовлетворения всех тех нужд, которых мы не в состоянии еще удовлетворить сейчас. Она отражает, с другой стороны, известную цеховщину в среде рабочего класса, настроения некоторых слоев рабочей аристократии, которые с истинно «пролетарским» величием относятся к крестьянству, не понимая задач рабочего класса в этой области. Она отражает известное недовольство деревенской бедноты, которая еще не получила от нас в достаточной мере материальной помощи и которая колеблется. Известное дрожание это отражается и в недрах нашей партии. Вместо того, чтобы обнаружить выдержку и сказать: вот *это* мы можем сделать, а это мы не можем; вот это можно сразу провести, а это не сразу,—вместо этого обещают и лошадь безлошадному, и равенство всем решительно, направо и налево. Так нельзя. И вот выходит об'ективно все наоборот.

Обещания даются, но будет неплатеж по векселям. В результате мог бы быть лишь рост недоверия к нашей промышленности и к советской власти; в результате мы имели бы не перевоспитание новых слоев рабочего класса, а, наоборот, их установку против советской власти. В результате мы имели бы расщепление самого рабочего класса,

рознь и рост розни между квалифицированными и неквалифицированными его слоями. В результате может получиться разрыв с основной массой крестьянства, об'ективное усиление кулака, а вовсе не его ослабление,—усиление кулака потому, что если бы мы ему отдали середняка, то кулак на этом бы выехал. Вот к чему бы привела наша политика, если бы наш партийный с'езд в большинстве оказался на стороне теперешней новой оппозиции.

И, наконец, тот метод, с которым выступали товарищи, стоящие во главе ленинградской организации, и солидаризирующиеся с ними, будет чреват крупными последствиями. Он создал и уже создает громаднейшие трудности. Во-первых, трудности, вытекающие из того, что мы—диктаторская партия в нашей стране: лишняя «роскошь» дискуссии, дрожание советского аппарата, недостаточная работа и т. д., а потом прямая помощь нашим противникам, которые все это используют; далее известное дрожание в рядах Коммунистического Интернационала. Вы думаете, противники не дразнят коммунистов всех иностранных партий: вот вы говорите «ленинизм», а теперь у вас *два* ленинизма; вы сперва решите сами, какой из них настоящий, а потом идите нас учить. Разве это хорошо? Это очень плохо. Социал-демократы, меньшевики всех оттенков, — они прямо в ладоши бьют, и должен сказать, что русские меньшевики и часть иностранных поддерживают нашу оппозицию. Я написал уже скромную статейку по поводу того, что говорят меньшевики. «Наконец-то,—говорят они, примерно,—нашлись люди в ленинградской организации РКП. которые показали, что король голый и никакого социализма нет! По вопросу о госкапитализме права оппозиция». Они всегда должны это сказать, русские меньшевики в особенности это подхватывают, прямо спекулируют на оппозиции; частью

с ними солидаризируются и иностранные меньшевики. Во французской газете «Пепль» («Народ»), издающейся французскими социал-патриотами, так прямо говорится: «Ага, слава тебе, господи, спасибо оппозиции, что она раскрыла нам глаза, какой «марксизм под татарским соусом» подносится большинством ЦК РКП». «Форвертс», центральный орган социал-демократической партии Германии, тоже бьет в ладоши изо всех сил по этому поводу и тоже говорит: «Мы всегда говорили, какой у них социализм!». Наши меньшевики в последнем номере «Социалистического Вестника» говорят: наконец-то, наступило «*отрезвление*» в среде большевистского рабочего класса, отрезвление от того, что большевики до сих пор проповедывали.

А мы проповедывали ленинизм,—значит это «*отрезвление» от ленинизма,*—что отмечает враг. Вот как они это расценивают!

Это плохо, и в особенности, если здесь такая расстановка сил, что говорят и радуются этому: наконец, мол, наступило отрезвление, отрезвление от того, о чем все время коммунисты говорили. Статья в «Социалистическом Вестнике» начинается, примерно, так. Вот,—говорит она,—возвещали нам успехи социалистического строительства, восемь лет трубили об этом: социалистическое строительство, социалистическое строительство, а потом сами выходят и говорят: «а где же у нас социализм? У нас госкапитализм, и фабрики наши госкапиталистические».

Само собой разумеется, что вы сами или уже видите или увидите в ближайшее время, что все эти меньшевистские, полуменьшевистские, около-меньшевистские элементы на фабриках и заводах будут играть в ту же дудку: «Ага, вот ваша госпромышленность, ага, наконец-то вы догадались! ага, теперь, пожалуй, нужно перестать обманывать рабочий класс!». Так они скажут и так уже говорят.

Само собой разумеется, товарищи, что нам нужно в первую очередь решить вопрос для нашей партии; с'езд по всем этим вопросам сказал свое слово, точное, определенное, с'езд вынес резолюции, которые не допускают на деле никакого кривотолкования. К сожалению, у нас и сейчас, после решения партийного с'езда, продолжалась и отчасти продолжается борьба, фактически направленная против решений партийного с'езда. Наши разногласия, товарищи, могут быть изжиты, и они уже по существу начали изживаться. Например, товарищи из оппозиции *сняли* уже свою трактовку нашей промышленности, как госкапиталистической, и стали на ту точку зрения, что она является промышленностью последовательно социалистического типа. Дай им господь бог всякого здоровья! Если они по всем пунктам, в конце-концов, признают свои ошибки—очень будем рады. Но признают ли они свои ошибки или нет,—нам нужно все-таки выполнять организационные заветы ленинизма, нам необходимо или убедить, или заставить подчиниться всем решительно постановлениям нашего партийного с'езда. (Аплодисменты).

Если подчинение будет совершенно добровольно,—очень хорошо, на 100 проц. будем этому рады. Если не хотят делать этого добровольно, нужно заставить. Если отсюда вытекают какие-нибудь организационные мероприятия, нужно их сделать *(аплодисменты)*, потому что неправильна такая трактовка внутрипартийной демократии, которая говорит: всякий делает все, что хочет, в силу внутреннего убеждения. Внутреннее убеждение — внутренним убеждением, а решения партии суть—решения партии.

Когда т. Троцкий выступал против большинства нашей партии, он суб'ективно был, конечно, убежден, что он вполне прав. Он был убежден, что был прав, и дрался за это, с'езд решил против него и мы все голосовали против, пола-

гая: думай, что ты думаешь, но подчиняйся, мы не хотим исключений ни для кого и не можем существовать, как партия, если будем делать для кого-нибудь исключения. Если ты ошибся, будь любезен, сделай заявление. По целому ряду вопросов после принятых решений будь любезен смириться и подчиниться. Ты думаешь, что ты все-таки прав.—Хорошо, перед следующим партийным с'ездом, когда ЦК откроет дискуссию, защищай свое мнение,—имеешь полное право. А до тех пор поникни главой перед партией, смирись и жди следующего с'езда. Не так ли? *(Бурные аплодисменты).*

Я думаю, товарищи, что у некоторых, в особенности у молодых членов партии, имеется известный гонор: вы тут болтаете, а, небось, другим рот заткнули... Тов. Уханов говорит, что в одной записке, поданной в президиум, это есть. А я вас спрошу, где написано, что в большевистской партии никогда нельзя было затыкать рта? (Аплодисменты).

Представьте себе картину, если бы мы после решений партийного с'езда не «заткнули рта»,—что бы получилось? За мной вышли бы тов. Зиновьев и Каменев и сказали: «Ты, такой, сякой, этакий и прочее». Я ему ответил бы. Завтра он пошел бы в другой район, я за ним. После завтра в третий,—я за ним. У нас была бы *постоянная дискуссия,* и тогда партия превратилась бы из партии в *дискуссионный клуб.* Никто не затыкал рта, пока не были приняты партийные решения. Тогда были допущены и содоклады и речи, каждая по нескольку часов и во всех районах и на конференциях. Но решения приняты, и теперь в качестве докладчика выступает представитель не меньшинства и не большинства, а *всего с'езда.* (Аплодисменты).

Мы можем только сказать, что если другим товарищам на следующем партийном с'езде удастся убедить в противоположном, мы будем меньшинством, мы будем терпеть. Что

у нас сейчас такое положение вещей существует, когда, к сожалению, часть товарищей, которые последние годы шли все время в ногу, делают известные сбои, и, вероятно, еще будут оступаться,—приходить от этого в уныние нечего. Трудности у нас большие, вопросы, безусловно, очень сложные, и отдельные лица и даже целые группы будут разно подходить к разным вопросам.

Ленина нет, и поэтому, конечно, внутренняя борьба, пока мы дойдем до правильного решения, будет больше, чем это бывало при Ленине. Ленин был гениальной машиной, которая сберегала эти издержки дискуссий. Ленин имел гораздо лучшую голову, и мы его слушали, а теперь этого авторитета нет и не будет. Это ясно. И каждый из членов ЦК, политбюро и т. п. вносит особое, получаются новые группировки, и не сразу нащупывается, правильно ли решение. Трений будет больше, чем при Ленине, к сожалению. Но это не так опасно, если все эти разногласия, оттенки, мнения, даже уклоны и т. п. *не будут развиваться по линии фракционной* борьбы. Вот почему мы говорим: ты думаешь так-то— это твое право, а я тебя должен переубедить; но если ты нарушаешь партийное *решение,*—это нетерпимо. Нарушая партийные решения, ты подрываешь основы всей партии. Это уже подкоп под пролетарскую диктатуру, это ни за что недопустимо и нетерпимо. Это есть составная часть ленинского демократизма. Партийный с'езд ясно и властно сказал: вот решения всей партии, и каждый отдельный ответственный член партии должен, обязан проповедывать эти мои решения. Никаких других! *(Аплодисменты).*

Конечно, всякому неприятно быть в меньшинстве. Очень неприятно каяться в своих прегрешениях, не всегда приятно подчиниться, но подчинение общепартийным решениям есть абсолютнейший долг каждого коммуниста. Если мы нарушим

это подчинение партийным решениям, мы перешибем этим наш партийный становой хребет, наш позвоночник; а наша партия есть великая и могучая партия, которая правит колоссальнейшей страной, которая всю тяжесть пролетарской диктатуры выносит на своих плечах. В ней должно быть поменьше трещин.

Как только трещины появились, их нужно замазать, чтобы партия наша была как прежде, так и в будущем, единой, крепкой, стальной, железной *ленинской партией. (Бурные аплодисменты).*

